

ПАВЛОДАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МАГИСТРАТУРА

Кафедра "Переводческое дело (нем. язык)"

Магистерская диссертация

**СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОИЗМЕРЕНИЯ В
НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА
(НА ПРИМЕРЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ)**

521250 " Филология (нем. яз.)"

Исполнитель _____

(подпись, дата)

Ныгметова Б. Д.

Научный руководитель

Профессор _____

(подпись, дата)

Темиргазина З. К.

Допущена к защите:

Зав. кафедрой "ПД (н)"

(подпись, дата)

Васильева В. И.

Содержание

Введение	3
Раздел 1. Языковые картины мира национальных языков	7
1.1. Понятие «языковая картина мира» (ЯКМ) в лингвистическом аспекте	7
1.2. Понятие ЯКМ в культурологическом аспекте	10
1.3. Национальная ЯКМ в философии	13
1.4. Выводы к разделу 1	15
Раздел 2. Факторы, формирующие национальные языковые картины мира	16
2.1. Взаимопроницаемость языков и культур	16
2.2. Пространственно – временной континуум в национальной ЯКМ	18
2.3. Виды обозначения национально-специфической лексики	20
2.4. Человеческое сознание как фактор формирования ЯКМ	23
2.5. Выводы к разделу 2	27
Раздел 3. Национальная специфика немецкой и русской ЯКМ на примере сравнительных оборотов	28
3.1. Логическое понимание сравнения в сопоставлении с лингвистическим толкованием	28
3.2. Структура сравнения. Способы выражения сравнения	30
3.3. Качественный анализ немецких и русских сравнительных оборотов по их функциям	32
3.4. Качественный анализ сравнительных оборотов по их стилистическому значению	41
3.5. Коммуникативная значимость фразеологических единиц (ФЕ) с национально-специфической окраской	42
3.6. Выводы к разделу 3	47
Заключение	50
Список использованных источников	52
Список использованных источников художественной литературы	55

Введение

Данная магистерская диссертация представляет собой опыт изучения национальных особенностей немецкой и русской ЯКМ на примере сравнительных оборотов в обоих языках.

В исследованиях лингвистов сегодня центральное место занимает проблема «язык и культура». Резко возросшие в последние десятилетия культурные, научные, политические, экономические контакты стран и их народов выдвигают данную тему в число важнейших общезыковедческих и социолингвистических проблем [1, 58].

Язык рассматривается как культурный код нации [2, 3]. Фундаментальные основы такого подхода были заложены трудами В. Гумбольдта, А. А. Потебни и других ученых. В своих трудах великий ученый В. Гумбольдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [3].

Под мировоззрением мы понимаем совокупность ценностей и духовной жизни конкретного народа, его нравственные устои, осмысление явлений действительности [4].

Отражение всех перечисленных факторов в языке и представляет ЯКМ данного народа, данной нации. Даже самые неразвитые языки обладают функцией концептуальной организации мира. В коллективном сознании языковой общности создается своя модель мира, находящая свое отражение в лексике данного языка.

Часто в процессе общения между представителями разных языков и разных культур случаются ситуации непонимания ввиду того, что, наряду с общими, существуют и специфические, национальные элементы, возникшие в результате различий в истории развития народов, разных географических и климатических условий, социальных устоев того или иного языкового общества. Данные самобытные элементы культуры играют важную роль в общении с иностранцами, в восприятии иностранных текстов по радио-и-телевидению, в обучении иностранному языку, в процессе перевода.

Необходимость коммуникативного подхода к изучению языка обусловила возросший интерес лингвистов – исследователей к речевой коммуникации и условиям, способствующим ее успешному протеканию. Эту проблему рассматривали в своих работах Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров [2], Д. Г. Мальцева [5], С. Влахов, С. Флорин [6], А. Д. Райхштейн [7; 8] и многие другие.

Вслед за Э. Сепиром, мы придерживаемся мнения, что именно лексика претендует на выражение любой национальной специфики. Он утверждал: «... лексика – очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утеря старых слов, создание или заимствование новых – все это зависит от истории самой культуры. Языки очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние, в свою очередь, могут проводить различия, непонятные для нас» [9, 242-243]. Напрашивается вывод, что, изучая языковое содержание другого

народа, мы тем самым выходим в национальную психологию, национальный образ мышления, а в главном счете, в национальную культуру.

В современной лингвистике изучением национальных менталитетов, национальной языковой картины мира в русском языке и его сопоставлении с другими языками занимались такие ученые как Н. Д. Арутюнова [10], А. В. Бастриков [11], А. Вежбицкая [12], Г. Д. Гачев [13], Г. В. Колшанский [14], О. А. Корнилов [15], Н. В. Перцов [16] и многие другие [17 – 30]. В центре внимания исследователей находились различные факторы, влияющие на формирование национальной языковой картины мира.

Достаточно достоверными сведениями об истории национальной культуры, о национальных обычаях и традициях, о мифологических представлениях народа являются фразеологизмы [31, 303]. Одним же из важнейших фразеологических средств отражения ЯКМ определенной нации являются устойчивые сравнения.

Для более глубокого проникновения в структуру языка сегодня стало актуально применение сопоставительного анализа, который позволяет лучше понять закономерности и особенности изученных явлений, полнее изучить и осмыслить своеобразие каждого из исследуемых языков.

Однако, следует заметить, что специфические черты семантики одного народа, отличающие его язык от всех других языков, образуют не целостную картину, а лишь отдельные фрагменты мировидения. Поэтому мы можем утверждать, что ЯКМ представляет собой совокупность национально-специфических отображений в языке отдельных фрагментов.

Мы можем говорить о существовании в каждом языке уникального единого и непрерывного семантического пространства, на фоне которого можно понять и оценить специфичность того или иного языкового фрагмента. Лингвист А. Марти говорил, что «картиной мира... можно было бы назвать как сумму всего языкового содержания, сумму значений..., так и репрезентацию этих значений посредством внутренних форм, то есть совокупность используемых в языке сравнений и образов. Именно при сравнении одного языка с другим выявляются какие-либо несоответствия, обнаруживаются лакуны, либо связанные с культурно-историческими и этнографическими лакунами, либо объясняемые языковой спецификой внутренних форм» [32, 244].

Объектом нашего исследования является выявление специфики национального мироизмерения в немецкой и русской ЯКМ.

Предметом исследования выступает лингвокультурологический аспект сравнительных оборотов немецкого и русского языков, отражающий специфику национального мироизмерения.

Научная новизна магистерской диссертации состоит в том, что в ней предпринята попытка раскрытия лингвокультурологического аспекта при изучении национальной ЯКМ в современном русском и немецком языках на примере сравнительных оборотов, что делается впервые.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью сопоставления сравнительных оборотов в русском и немецком языках с целью выявления национальной специфики их употребления, знание которой ведет к

достижению успеха при межкультурной коммуникации, резко возросшей в последние десятилетия в связи с быстрым развитием молодого независимого Казахстана и укреплением экономических, политических отношений с Германией.

Изучение сравнительных оборотов двух языков в сопоставительном плане позволило бы выявить наиболее существенные сходства и различия в плане их формальных и семантических особенностей, а также общие черты основных путей фразеобразований в этих языках, понять такую проблему как отражение национальной культуры в семантике сравнений.

Целью исследования является выявление национальной специфики мироизмерения в немецком и русском языках на примере изученной группы языковых единиц, исследование и анализ сравнительных оборотов по их функциям и значениям в обоих языках.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Выделить из комплекса сравнительных оборотов русского и немецкого языков наиболее употребительные на современном этапе развития языков.
2. Установить количественные и качественные критерии разграничения фразеологических единиц (ФЕ) в немецком и русском языках.
3. Составить семантическую классификацию выделенной группы ФЕ.
4. Сопоставить группы изученных единиц обоих языков и обосновать классификацию по совпадению/ несовпадению значений.
5. Выделить общие и национально-специфические группы сравнительных оборотов.

При написании магистерской диссертации применены такие **методы исследования**, как метод описания, метод обобщения теоретического материала, что позволило точнее охарактеризовать уровень изученности вопроса взаимосвязанности языка и культуры на современном этапе развития лингвистики и на стыке других наук. Для решения поставленных задач были использованы прием классификации, семантизации, сравнительно-сопоставительный и этимологический анализы, а также метод двусторонней конфронтации конкретной группы сравнительных оборотов.

Данная работа выполнена на материалах русского и немецкого языков. Основным источником анализа послужил комплекс сравнительных оборотов, извлеченных из лексико-графических источников – фразеологических и толковых словарей русского и немецкого языков. В качестве практического материала были использованы отрывки из произведений русской и немецкой художественной литературы.

Наше исследование имеет, несомненно, как **теоретическую**, так и **практическую значимость**. **Теоретическая значимость** работы состоит в том, что она способствует дальнейшей разработке положений теории лингвокультурологии. Конечные результаты способствуют осознанию важности лингвокультурологического подхода к изучению языкового содержания определенной нации. Теоретическое значение работы определяется также тем, что выводы, сделанные в результате исследования, являются

конкретным вкладом в раскрытие лингвокультурологического аспекта как важнейшего компонента при изучении иностранного языка.

Практическая значимость определяется возможностью использования материалов и выводов исследования в теоретических курсах по лексикологии, стилистике современного немецкого языка, при разработке курса сопоставительного языкознания, лингвокультурологии, а также в разработке теории и практики перевода.

Апробация исследования: по теме исследования были опубликованы статьи: «Отражение внутренних качеств человека в сравнительных оборотах с эталонами — зоонимами (на материале русского и немецкого языков)» — сборник 2-ой международной научно-практ. конф. ОмГПУ, Омск, апрель, 2004; «К вопросу о коммуникативной значимости фразеологических единиц с национально-специфической окраской» — сборник научно-практ. конф., посв. 80-летию В.Быкова, ПаУ, Павлодар, октябрь, 2004; «Языковая картина мира в лингвистическом аспекте» — сборник научной конф. «V Сатпаевские чтения», ПГУ, Павлодар, апрель, 2005.

Структура исследования: состоит из содержания, введения, 3 разделов, заключения, списка использованных источников.

РАЗДЕЛ 1. ЯЗЫКОВЫЕ КАРТИНЫ МИРА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

1.1. Понятие «языковая картина мира» в лингвистическом аспекте

Понятие «картина мира» (КМ) очень активно применяется в разных науках: философии, психологии, культурологии, лингвистике. Однако оно не всегда получает достаточно четкое и однозначное толкование даже среди представителей одного направления. В данной работе мы хотим попытаться конкретизировать понятие «КМ» применительно к лингвистике, придавая ему дополнительное определение – «языковая». В дальнейшем мы будем заменять его аббревиатурой КМ или ЯКМ.

Очевидно, что в любом случае КМ по отношению к лингвистике должна представлять собой определенную систематизацию плана содержания языка. Ведь в национальном языке, что особенно важно, фиксируются и хранятся все знания и представления данного народа о мире. Такое глобальное знание зафиксировано, прежде всего, в лексическом и фразеологическом составе языка.

Можно сравнить ЯКМ с портретом. У каждого человека есть какая-либо отличительная деталь во внешнем виде: слишком большой нос или очень выразительные глаза, например. Но каждый человек индивидуален, и мы воспринимаем человеческое лицо целостно, а не только его специфические черты, которых нет в портрете других людей. Мы принимаем за портрет только цельное изображение лица, а не его отдельных частей. Ведь человек уникален как обладатель всех своих характеристик и признаков в их совокупности. Если на портрете художник не изобразит уши человека на основании того, что они ничем не примечательны в отношении других ушей, то это произведение не будет считаться портретом, так как в любой портрет нужно включать все детали человеческого лица, независимо от их специфичности. То же самое мы наблюдаем и в ЯКМ. Сюда следует включать все языковое содержание, чтобы далее разграничивать понятия «специфическое» и «неспецифическое» в семантике языка.

Однако, «существование языка как материальной формы закрепления мышления человека, а следовательно, и той совокупности знаний, которыми располагает мышление человека на определенном этапе, создает ... проблему ... Эта проблема поворачивает вопрос о содержании этого выражения таким образом, что КМ, как совокупность знаний человека о мире, подменяется КМ, «существующей в языке, то есть ЯКМ» [33, 22-23]. Иными словами, человек познает объективный мир посредством мышления, запечатленного в формах языка, то есть язык выражает мышление, а оно, в свою очередь, отображает путем познания объективный мир.

Вслед за Е. В. Падучевой мы утверждаем, что «... не только мысли могут быть «продуманы» на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого. Иными словами, есть понятия, фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом» [34, 21].

В современной лингвистике исследованиями на стыке лингвистики, этнопсихологии и культурологии занимается Анна Вежбицкая [12].

Если под языковой структурой подразумевать конкретные синтаксические или морфологические особенности определенного языка, то мы можем говорить о содержащейся в них информации о специфике национальной ментальности и национального характера, которые, в свою очередь, являются важнейшими составляющими всей национальной культуры.

Можно привести пример из морфологии, чтобы посмотреть, как специфика национального мироизмерения отражается вне лексического пространства в фактах языка. Как известно, многие языки не имеют категории грамматического рода. И даже в языках, где эта морфологическая категория существует, произошла практически полная потеря семантической мотивированности отнесения слов к мужскому или женскому роду. Однако в период формирования языков такая мотивированность, конечно, была, и она обосновывалась на родо-половом различии именуемых одушевленных объектов. Мы не можем утверждать, по каким принципам происходило распределение по родам объектов неодушевленных. Вероятно, здесь не последнюю роль сыграли национальное мировидение, национальная образность восприятия мира, которые и решали, какое начало – мужское или женское – будет иметь тот или иной предмет, явление или качество. Более поздние по своему происхождению слова получали морфологическое оформление по роду уже согласно имевшимся параметрам, по аналогиям. Тем самым, самые первые, древнейшие слова – это так называемые «следы» древнего образного восприятия мира представителями конкретного этнического языкового сознания.

Многие устойчивые метафорические образы, укрепившиеся в национальном сознании русского народа, отражают эту обусловленность принадлежности слов к определенному роду на основе ассоциаций с женским или мужским началом:

Родина – мать, земля – матушка, береза – невеста /В. Шукшин/, *Россия – женщина* /Е. Евтушенко/.

Очевидно, что следующее совпадение также не случайно: в русском и немецком языках большинство базовых слов, в которых заложена идея красоты, добра, любви, имеют женский грамматический род: *земля – die Erde*, *родина – die Heimat*, *красота – die Schönheit*, *добродетель – die Gutherzigkeit*, *дружба – die Freundschaft*, *любовь – die Liebe*. И одновременно, мужской грамматический род имеют такие слова как: *враг – der Feind*, *противник – der Gegner*, *сотрудник – der Mitarbeiter*, *сосед – der Nachbar*. Но следует отметить и родовые несоответствия в разных языках одних и тех же понятий: *жизнь – das Leben* (средний род), *смерть – der Tod* (мужской род), *дом – das Haus* (средний род), *девушка – das Mädchen* (средний род), *университет – die Universität* (женский род).

Э. Сепер утверждал, что «отсутствие или наличие в каком-либо языке, например, грамматического рода не имеет никакого отношения к пониманию социальной организации, религии или фольклора соответствующего народа». И

в то же время: «Логически необъяснимо, почему мужской, женский и средний роды в немецком и русском языках сохраняют свое существование в современном мире, но всякая намеренная попытка уничтожить эти необязательные роды была бы бесплодной, так как обычный носитель языка фактически и не ощущает здесь каких-либо несуразностей, усматриваемых логиками» [9, 242-243]. Возможно, для изучающих иностранный язык, в котором есть категория рода, этот факт затрудняет и запутывает в какой-то мере процесс учения. Но для носителей языка, в котором эта категория есть, род не является необъяснимой «несуразностью», а представляет бесценное духовное наследие, отражающее неповторимую специфику мышления, обязательную часть всего образного строя языка, источник национально-специфических реалий, которые понятны для одного народа, а у носителей другого языкового сознания могут вызвать только недоумение. Например, для русского сознания вполне обычны выражения **матушка зима, мороз красный нос**. В основном эти образы симметричны по родовой соотнесенности и при ее нарушении теряется их естественность и совместимость. Если перевести данные выражения на немецкий язык: *die Mutter (ж.р.) der Winter (м.р.), der Frost (м.р.) die rote Nase (ж.р.)*, то мы установим, что вместе с рифмой и родовой согласованностью ушла и естественность столь близких и понятных с раннего детства русскому человеку образных выражений.

Таким образом, с одной стороны, мы можем признать роль всех разделов языка (синтаксиса, морфологии и даже фонетики) как источников информации о национальном образе мышления, любой из разделов языка может дать материал для соответствующих наблюдений; с другой стороны – под ЯКМ мы подразумеваем лексико-фразеологическую систему языка, сознательно выводя за ее пределы все другие разделы. Этой же точки зрения придерживался Э. Сепир: «Тенденция рассматривать языковые категории как непосредственное выражение внешних культурных черт, ставшая модной среди некоторых социологов и антропологов, не подтверждается фактами. Не существует никакой общей корреляции между культурным типом и языковой структурой... Как свидетельствуют факты, очень редко удается установить, каким образом та или иная культурная черта оказала влияние на базовую структуру языка... Другое дело, если мы перейдем от общих форм к элементам содержания языка, ведь лексика – очень чувствительный показатель культуры народа» [9, 242-243].

Как подчеркивает О.А. Корнилов, ЯКМ должна выполнять лишь одну функцию: фиксировать в национальном языковом сознании национальный способ восприятия мира, передавая его от поколения к поколению. Однако, чтобы понять и тем более детально описать роль ЯКМ в формировании национального мировосприятия, мы должны обращаться и к другим областям знания, даже весьма далеким от лингвистики (философия, психология, культурология, например). Так как «именно на стыке разных наук лингвистам следует искать по-настоящему точные методы проверки и обоснования лингвистических утверждений» [16, 47].

1.2. Понятие «ЯКМ» в культурологическом аспекте

Знакомство с любой культурой, ее изучение будут неполноценными и даже, можно сказать, поверхностными, если человек, обратившийся к этой культуре, не учтет такой важнейший компонент, как **склад мышления нации**, национальную логику мировидения. «Какой «сеткой координат» данный народ улавливает мир, соответственно, какой космос (в др. см. слова: строй мира, миропорядок) выстраивает пред его очами. Этот особый «поворот», в котором предстает бытие данному народу, – составляет национальный образ мира» [13, 44].

Очень тонко отметил в своей работе известный культуролог и филолог Г.Д. Гачев: «... Люди... наталкиваются на какой-то предел понимания. Произносятся те же слова, формулы, а мыслится под ними весьма разное – и главная беда в том, что об этом часто и не подозревают. Чтобы мнимое взаимопонимание максимально приблизилось к действительному, надо делать поправку на национально историческую систему понятий и ценностей, то есть учитывать, что представитель другого народа может видеть мир несколько иначе, чем я. Но как? Что видит он в мире такого, что я не вижу? И от чего это зависит? Вот в чем загвоздка. Если удалось бы как-то прояснить этот вопрос, в наше распоряжение поступил бы словно некоторый «коэффициент», который облегчал бы контакты между народами и культурами» [13, 45]. Здесь можно проследить следующую логическую цепочку: непохожесть культур → осознание этой непохожести → попытки найти «коэффициент понимания» другой культуры → «коэффициент понимания» = специфичность национального мышления → отражение и фиксация национального склада мышления в языке. Таким образом, мы можем говорить о неразрывной связи культуры народа и его языка.

Очень точно об этом выразился Э. Сепир в своей работе «Язык. Введение в изучение речи»: «Культуру можно определить как то, **ЧТО** данное общество делает и думает. Язык же есть то, **КАК** думают» [9, 193]. То есть, если мы хотим понять образ мышления нации, ее способы мировосприятия, особенности менталитета данной культуры языка, мы должны познакомиться с семантическим содержанием этого языка, что, в свою очередь, предполагает овладение ЯКМ этого национального языка как системой его видения мира.

По утверждению О.А. Корнилова, «ЯКМ в культурологии может использоваться двояко: как «огромная «кладовая» иллюстративного лингвистического материала для подтверждения тех или иных черт национального характера. Эти черты могут приписываться данному народу, считаться общепринятыми или уже доказанными – это неважно. Главное, что в этом случае ЯКМ не рассматривается в качестве самоценного источника знания о национальном характере и складе мышления» [15, 79]. Тем самым, ЯКМ с этой точки зрения должна лишь подтверждать особенности национального менталитета. И в то же время ЯКМ может рассматриваться «как источник знания о национальном характере и менталитете» [15, 79]. При таком подходе

ЯКМ представляет собой базу данных, исследовав которые можно определить особенности национального мировосприятия.

Анна Вежицкая в своих работах, обсуждая проблему связи языка и национального характера, предлагала выявлять их из национального специфического в соответствующих языках [12]. Таким образом, информацию о национальном характере можно получить в результате лингвистического анализа. Вероятно, выбор того или иного подхода определяется конкретным объектом исследования, его целями. Но нам второй подход кажется более интересным ввиду существующей возможности получить новые знания при большей объективности.

Для культурологии ЯКМ – необходимое понятие, так как в ней отражён национальный способ мировидения, формирующий и предопределяющий национальный характер. Без знания содержания национального сознания трудно постичь то, что составляет национальную культуру, в частности: этические, нравственные и ценностные приоритеты, образ мышления и т. д.

Знание ЯКМ другого языка является основой для любых культурологических исследований. Не зная алфавит иностранного языка, мы не сможем прочесть слова и предложения – то же самое произойдёт, если без знания специфики национального мировидения, запечатленной в ЯКМ соответствующего языка, мы погрузимся в исследование чужого культурного контекста.

При любых интеркультурных контактах трудно переоценить значение национальной символики. Оно очень тесно связано с коннотативной зоной языка, где содержится информация об ассоциациях, вызываемых в коллективном сознании различными объектами окружающего мира. Если, например, в какой-либо культуре какие-то виды животных являются символами силы, трудолюбия, мудрости, покорности, трусости, подлости и т. п., то по отношению к лингвистике это значит, что лексические значения слов, называющих этих животных, включают в себя эту информацию (специфическую для каждого языка). Данный компонент значения и называется коннотативным (ассоциативным) компонентом значения слова. Коннотативная зона любого языка представляет трудности для усвоения представителями иных культур. Человек, далекий от лингвистики или этнографии, может просто не осознавать её существования и ограничиться знанием лишь основных значений слов, или же «умудряться» вносить в чужой язык привычные коннотации своего родного языка, считая их универсальными или само собой разумеющимися. Проблема межкультурных недоразумений в процессе коммуникации представителей разных культур кроется как раз в фактическом неосознании огромной важности этой части ЯКМ. Например, можно представить степень непонимания и неудовольствия русскоязычного человека, услышавшего в свой адрес от носителя немецкого языка сравнение с крысой. Но данное недоразумение улетучится сразу после того, как будет объяснена типичная для немецкого языка ассоциация названия этого животного с увлечённо работающим человеком. В русском языке эта же идея в качестве

коннотационных элементов значения отражена в названиях других представителей животного мира – пчела, муравей [35].

В сфере бизнеса успех обречен на провал, если не уделяется должное внимание особенностям национальной ментальности. Именно в манере говорить, в речевом этикете, в самой стилистике речи проявляются многие особенности национального образа мысли. Успех делового контакта с представителем другой национальной культуры по этой причине может в значительной степени предопределяться знанием языка этой культуры. Прежде всего, требуется элементарное владение клишированными форм общения, соответствующих конкретным ситуациям общения. Это знание можно определить как формальное, внешнее знание. Но знание языка вообще и языка бизнеса в частности требует также знание глубинных причин именно такой, а не иной формы выражения. Это знание может вытечь из знакомства с культурой и языком как отражением данной культуры в целом. В данном случае язык будет представлять систему мировидения конкретного этноса, то есть язык рассматривается как национальная КМ. Если же непонимание все-таки возникло, следует обращаться к национальному характеру и менталитету и установить их связь со средствами языка.

«Иностранца, вступающего в деловые контакты в России, поражает некая расхожанность статусных ролей и чувства субординации у русских. Всем известно их стремление как можно быстрее сократить дистанцию, перейти на «ты», на обращение по имени... У русских не приняты обращения к коллегам по званию, должности..., обязательные в других культурах... Русская ментальность со своим специфическим подходом к субординации и статусным отношением ярко проявляется, в частности в области менеджмента, где зарубежные исследователи ввели даже понятие «русского стиля управления» [36, 100].

Другой особенностью русского общения вообще и делового общения в частности является важнейшая роль контекста, когда смысл сказанного «прикрыт» за недоговоренностью, метафорами, коннотациями, то есть опирается на знание человеком русской ЯКМ. Истинный смысл высказывания не вытекает из буквально сказанного, как мы можем это наблюдать в других языках, в частности, в немецком. Чтобы правильно понять русский текст, нужно овладеть всей системой русской образности, изучить многозначность слов и коннотацию русской лексики, которые в целом и представляют ЯКМ.

1.3. Национальная ЯКМ в философии

Мировоззрение нации как категория может быть истолковано двояко: как рационально-логическое осмысление мира и в более широком смысле как созерцание, осмысление и оценка мира. К сущности языка мы тоже имеем две точки зрения: с позиции первой язык используется в качестве средства для достижения чего-либо, в качестве инструмента коммуникации, мышления или познания. Со второй точки зрения язык производит национальную ЯКМ и тем самым формирует национальное мировоззрение. Как же это происходит? Попробуем разобраться с этим с позиций философского осмысления языка.

Язык — это кладезь духа народа, это коллективный продукт национального творчества и каждый этнический язык — это «уникальное коллективное произведение искусства, неотъемлемая часть культуры народа, орган саморефлексации, самопознания и самовыражения национальной культуры» [15, 13].

Известный философ Мартин Хайдеггер является автором известной метафоры: «Язык — дом бытия человека». Современные философы переназначили данное определение: «Язык — дом бытия духа», так как оно наиболее ярко выражает суть культурно-философского подхода к языку. Таким образом, язык понимается как знак, система, код и инструмент коммуникации и инструмент познания, и коллективное творение — «дом бытия духа народа», которое должно отражать и сохранять для последующих поколений национальную ЯКМ. В контексте культурно-философского подхода можно акцентировать внимание на эстетические значимости языка. Языком можно наслаждаться: его мелодикой, ритмикой, непередаваемостью некоторых значений, которые в преимущественной степени и являются показателями самобытности языка.

Любой национальный язык может обладать функциональностью, целесообразностью и т.п., но и быть источником красоты, изящества, мудрости. В данном смысле язык можно сравнить со многими другими категориями объективного мира, которые со временем приобрели множество дополнительных функций, никак не связанных с первоначальными. Например, одежда уже давно не стала выполнять свое основное предназначение — согревать, защищать от непогоды и прикрывать наготу. Появляются понятия моды, стиля, которые часто имеют для людей большую ценность, чем простая функциональность. Итак, язык подобен моде в одежде. Язык — это одна из «одежд» его мыслей, чувств, ощущений, которые позволяют обслуживать наиболее широкий спектр мыслей — чувств.

Назряка, каждый человек замечал, что его самоощущение и поведение находятся в некоторой зависимости от того, как в данный момент он одет. Меняя повседневную-бытовую одежду на строгий вечерний костюм и туфли, человек невольно несколько меняет и свое поведение: походка, жесты, манера говорения — все это корректируется. То есть так же, как одежда меняет фрагменты самоощущения и поведения человека, так и национальный язык изменяет самоощущение его носителя.

Переходя на чужой язык, нужно опираться на знание огромной массы реалий, связанных со всем контекстом жизни в конкретной культурно-информационной среде. Знание этих реалий еще называют **когнитивной базой**, которая, в свою очередь, отражена всегда в его национальном языке. Знание любого национального языка представителем другой культуры на элементарном уровне, не дополненная владением когнитивной базой этого народа, приводит зачастую к коммуникативным проблемам, когда иностранец вообще не понимает смысла фраз, составленных даже из известных ему слов, либо понимает их поверхностно, не осознавая истинного смысла, включенного в коннотации носителей данного языка. Как показывает практика, человек овладевает иностранным языком на уровне инструмента общения, но не на уровне «дома бытия духа народа».

Итак, можно сделать следующее заключение: национальный язык возможно рассматривать в качестве национальной ЯКМ, только учитывая культурно-философский подход к языку как «дому бытия духа» данного народа. *«Совершенство мира всегда адекватно совершенству созерцающего его духа»*, – писал Г. Гейне. Отсюда следует, что чем ярче и многообразнее, оригинальнее запечатленный в языке мир, тем совершеннее созерцающее его духовно-коллективное этническое языковое сознание. С философской точки зрения мы попытались представить язык не как знаковую систему и орудие общения и признания, но как «дом духа» народа, в котором отражены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании, и конкретные факты истории и культуры народа.

Выводы к разделу I

1. Картина мира – это порожденная человеком упрощенная замена реального мира придуманным образом мира. Отношения человека и КМ строятся следующим образом:

- человек изображает мир как картину;
- человек понимает мир как картину;
- мир превращается в картину;
- человек покоряет мир как картину.

2. Языковая картина мира всегда субъективна, в ней фиксируются восприятие, осмысление и понимание мира определенным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, то есть на этапе первичного, наивного познания мира. Язык и его лексика меняются с течением времени, и это является отражением изменяющегося мира. Изменение условий повседневной жизни ведет к появлению новых реалий, требующих своей вербализации и тем самым включения в ЯКМ.

3. В философии понимания язык является духом народа, так называемым продуктом коллективного национального творчества. Использованное в нашем исследовании определение «язык – дом бытия духа» развилось из известного изречения философа Мартина Хайдегера «Язык – дом бытия человека». В языковых единицах запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение, а также исторические и культурные события народа.

РАЗДЕЛ 2. ФАКТОРЫ, ФОРМИРУЮЩИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯКМ

2.1. Взаимопроницаемость языков и культур.

Мы выяснили, что национальная ЯКМ (НЯКМ) отражает в лексике национально-специфическое видение всего сущего, где под последним мы понимаем не только окружающий нас мир, но и всё то, что переосмысливает человеческое сознание. НЯКМ существует столько же, сколько языков. А любой язык, в свою очередь, является результатом долгой работы коллективного этнического сознания над концептуализацией мира. Отсюда следует, что специфичность каждой НЯКМ выявляется лишь на фоне других ЯКМ. И здесь актуальным становится вопрос о путях сравнения ЯКМ разных языков, а в более широком смысле – вопрос интеллектуального освещения точки зрения на мир другого народа, в других условиях и под влиянием иных факторов.

Для этого в первую очередь нужно разобраться, какова степень взаимопроницаемости языков и культур. По этому поводу Анна Вежбицкая пишет следующее: «... Наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира... Языковые и культурные системы в огромной степени отличаются друг от друга, но существуют семантические и лексические универсалии, указывающие на общий понятийный базис, на котором основываются человеческий язык, мышление и культура... Пришло время для согласованных усилий по выявлению общего набора понятий, лежащих в основе психологического единства человечества» [12, 321-322].

Понятие «психологическое единство человечества» основано на мнении, что различные культуры применяют разные понятия, вследствие чего возникают совершенно особые ментальности, но за разнообразием культур стоит единый, универсальный набор базовых понятий, всё то, что находится за пределами единого понятийного базиса и является национально-специфическим способом мировидения, мироосмысления.

Именно национально-специфическая сфера НЯКМ вызывает наибольший интерес для исследователя той или иной культуры. Понять НЯКМ чужого языка с позиции собственного языкового сознания, то есть как бы со стороны, практически невозможно. При таком «проникновении» в сферу чужой ЯКМ всё необычное и непонятное «подгоняется» под привычные формы собственного национального языкового сознания. Происходит поиск эквивалентов в родной ЯКМ, но, как правило, они являются мнимыми.

Таким образом, мы согласны с утверждением О. А. Корнилова о том, что «национальные ЯКМ непроницаемы для иноязычного сознания» [15, 142].

В нашем представлении, постичь чужую НЯКМ – значит попытаться встать на место носителя чужого языка, то есть через лексическую систему получить представление о национальном образе мышления и национальном характере. Данная цель может быть достигнута путём огромных усилий, так как

практически подразумевает формирование в сознании постигающего второй языковой личности, овладение языком как «домом духа народа». Добиться этого в полном объёме, по утверждениям многих ученых лингвистов, невероятно трудно, если вообще возможно. Но пытаться овладеть другими мировидениями, изучить и понять отдельные их стороны, отдельные черты национального характера и менталитета всё-таки стоит. Ведь, познавая чужое, мы всегда открываем что-то новое в «своём». В отношении языков это прозвучало бы так: постигая чужой язык, мы выявляем специфику родного, которая и отличает его от других языков. Эту же мысль высказывал в свое время великий Гете: «*Wer die fremde Sprache nicht kennt, weiss nichts von seiner eigenen*» («кто не знает иностранного языка, ничего не знает о своем»).

2.2. Пространственно – временной континуум в национальной языковой картине мира

НЯКМ представляет результаты отражения коллективным сознанием этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, где и происходит познание этого мира.

Внешний мир и сознание являются факторами, формирующими ЯКМ любого национального языка.

В своей работе мы используем для обозначения того, что называют внешним миром, понятие «пространственно-временной континуум» (ПВК).

На национальное сознание, создающее первичную схему мира, реально воздействует лишь небольшой участок ПВК – природно-климатические условия среды обитания, преобладавшие в исторический период становления языка определенной народности. Для одного этноса это была бескрайняя снежная тундра, для другого – джунгли, для третьего – горы и т.д. Знания о мире каждого народа ограничивались окружающей его природно-климатической средой, которую он непосредственно воспринимал, ощущал, осмысливал. В лексике данного народа, естественно, могли вербализоваться только те понятия, которые порождались этой средой обитания. Остальной мир, единый и в то же время многообразный, был недоступен чувственному восприятию, вследствие чего не отражался в семантике языковых единиц, тем самым не являясь частью созданной данным народом своей модели мира.

Географическая среда решительно повлияла на разные аспекты жизни народа, а главным счетом, на его историческую судьбу. Г. Д. Гачев в своих работах высказывал следующую точку зрения: «Национальный образ мира есть диктат национальной природы в культуре... Естественные национальные языки трактуются как голоса местной природы в человеке. У звуков языка – прямая связь с пространством естественной акустики, которая в горах иная, чем в лесах или степи. И как тела людей разных рас и народов адекватны местной природе, как этнос -- по космосу, так и звуки, что образуют плоть языка, в резонансе находятся со складом национальной Природины» [13, 431].

Все известно, насколько един и в то же время многообразен внешний мир. Однако на практике, как показывает жизнь, мы воспринимаем лишь отдельные фрагменты, малую часть этого мира. В связи с этим национальное восприятие мира можно сравнить с восприятием людей, живущих в разных домах и на разных этажах, окна которых выходят на один и тот же двор. Естественно, каждый знает о том, как обустроен двор, что где находится, но, выглядывая из своего окна, каждый видит разные предметы, либо те же, но по-разному. Например, часто житель первого этажа видит из окна лишь деревья или кусты, закрывающие его окно, а тот, кто повыше – может видеть детскую площадку с каруселями или автостоянку.

Так как происходит восприятие только определенной части двора, то получается следующая картина: единый мир воспринимается по-разному. То же и в более широком масштабе: ощущения объективного единого мира у каждого народа различны, так как он соприкасается с ним только в какой-то

одной части. Эта часть и находит свое проявление в определенном языке, получает наибольшую вербализацию, оставшая же часть внешнего мира остается неосвоенной. Этим могут быть объяснены значительные отличия в словесном объяснении явлений внешнего мира разными национальными языками. Как нам удалось установить, при этом появляются не только лексические лакуны или различия в объемах значений отдельных слов, но и различия коннотаций, закрепившихся за обозначениями одних и тех же объектов окружающей среды в разных языках.

Итак, проанализировав изученный материал, мы можем с уверенностью выделить три важных компонента ПВК — сюда относятся, прежде всего, природная среда. Географический фактор играет значительную роль в истории человечества. В каждом языке есть слова, обозначающие названия окружающего человека мира: растений, животных, птиц, явлений природы, и поэтому они могут нам рассказать о типичных представителях флоры и фауны в той или иной стране. В то же время в каждой стране есть свои национальные особенности растительного и животного мира, а также ландшафта, которые и отражаются как в лексической структуре языка, так и в устойчивых выражениях, употребляемых в языке.

Хотя понятия и ситуации, лежащие в основе отдельных словосочетаний у разных европейских народов, имеют много общего, так как основаны на определенной схожести бытовых условий, природных условий, животного мира, но, следует отметить, что у каждого народа свои взаимоотношения с природой. Окружающая среда: растения, животные, птицы, ландшафт, явления природы — все это вербализируется в понятия и представления, специфичные для того или иного народа, даже не имеющих места в языке других народов.

Географическое положение Германии, особенности климата, ведения сельского хозяйства получили свое отражение в целом ряде языковых единиц, образность которых основана на окружающем предметном мире, фоновых знаниях, и связана напрямую с историей народа и его образом жизни.

Вторым компонентом, не менее важным, является материальная культура нации, то есть то, что было создано самим народом. И непосредственно завершают состав ПВК объективно существующие связи между объектами и явлениями материального мира.

Все три компонента ПВК, проходя через сознание определенного народа, воплощаются в лексике, специфичной для каждого языка.

2.3. Виды обозначения национально-специфической лексики

Как мы выяснили, специфика мировидения может объясняться как особенностями национального образа мышления, так и различиями в природной среде и материальной культуре. Эти две составляющие ПВК являются, по терминологии Б.Рассела, **сенсibiliями**, так как отражаются у любого представителя этноса в непосредственных ощущениях [37].

Национально-специфические сенсibiliии порождают, в свою очередь, национально-специфические концепты, которые, имея в языке лексические соответствия, образуют в лексической системе национального языка пласты национально-специфической лексики. Иногда происходит так, что реалии среды обитания в силу своей специфичности сразу получают лексическое выражение, которое с самого начала призвано стать национально-языковой особенностью. Однако не всегда влияние среды в языке очевидно. В этом случае на помощь приходят категории культурологии, истории, психологии.

В нашем исследовании мы выделяем три качественно отличные друг от друга группы слов, основанных на реалиях той части ПВК, в котором сформировалось языковое сознание того или иного этноса: обозначения специфических реалий; обозначения универсальных концептов, имеющих специфические прототипы; обозначения специфических абстрактных концептов.

Специфические концепты, отсутствующие в других языках, и универсальные концепты, в основе которых лежат специфические прототипы, представляют больше возможностей для их освоения представителями других культур в силу их специфики, которая вытекает из экстралингвистических факторов. Однако, чтобы изучить данные факторы, следует детально познакомиться с планом содержания такой лексики, то есть со всей материальной средой конкретной национальной культуры. Необходимо знать природно-климатические условия проживания народа – носителя данного языка, обладать четкими представлениями о его быте, традициях и т.п. Таким образом, мы можем заключить, что специфические концепты и не специфические (но имеющие специфические прототипы) того или иного языка представляют собой национально-специфические **реалии бытования народов** [15, 149].

Национально-специфическая лексика, обозначающая абстрактные понятия, не может быть понята в результате ознакомления с реалиями бытования нации, так как она не называет конкретные предметы. Понимание таких слов затруднено тем фактом, что в родном языке присутствуют псевдоэквиваленты, что затрудняет попытки проникнуть в суть подобных понятий. Глубокие концептуальные различия между абстрактными понятиями одного языка и их иноязычными псевдоэквивалентами могут быть поняты только при рассмотрении всего культурного контекста данных языков.

Приведем некоторые примеры различных видов национально-специфической лексики.

Национально-специфические обозначения реалий в любом языке можно разделить по тематическим областям с выделением в них лексико-грамматических групп. Для носителя языка каждая отдельная лексико-грамматическая группа является неотъемлемой частью НЯКМ, она привычна в восприятии и порой он даже не подозревает об ее специфичности. В то же время носитель другого языка либо совершенно не знаком с данной областью, либо интерпретирует ее иначе.

Исследовав большой языковой материал, мы убедились, что, чем больше различий в природной среде, в культуре, образе жизни каких-либо народов, тем больше в их языках национально-специфических реалий. Если, например, сопоставить названия животных или растений, названия национальных блюд, предметов обихода, то такое сопоставление и выявит различия в планах выражения, а тем самым, и несовпадения в планах языкового содержания, то есть определит специфичность понятий, запечатленных в национальной лексике. Русские слова *валенки*, *блины*, *щи*, например, нельзя перевести на другой язык, и они будут непонятны представителям других языков, поскольку в их образной системе нет соответствующих прототипов, так как в материальном мире отсутствуют сами называемые объекты.

В таких ситуациях лингвокультурологический аспект занимает главенствующую позицию, поскольку семантизация лексики требует обязательное погружение в культурный контекст того или иного языка.

Так, изучающему немецкий язык, придется заучивать множество названий предметов одежды, национальных блюд, костюмов, достопримечательностей. Но без этнографических знаний эти понятия не получают правильного восприятия их значений. О.А. Корнилов в своих исследованиях приводит в пример слово «блины»: «*русские блины предполагают рассказ о масленице, а он, в свою очередь, знакомство с языческими истоками русской культуры*» [15, 150]. Мы можем провести аналогию в немецком языке: слово «*Stohlen*» связано с обычаем немцев праздновать католическое Рождество, которое является неотъемлемой частью немецкой культуры. Тем самым слово «*Stohlen*» становится чем-то большим, чем именем блюда в силу своей культурно-исторической корреляции.

Но существуют также слова, которые имеют иноязычные соответствия на уровне концептов, но различающихся на уровне прототипов.

Прототипичность приписывается не только материальным объектам, но и ситуациям, реакциям на ситуацию и т.п. Вместо толкования слов предлагаются идеальные образы называемых категорий, соответствующих в наибольшей степени представлению большинства людей о называемом объекте. Таким образом, прототип является идеальным мыслительным выражением какого-либо концепта.

Анна Вежбицкая считает, что «никакого противоречия между прототипами и толкованиями не существует» [12, 216]. Далее она утверждает, что прототипы «не могут «спасти нас» от строгого лексикографического исследования, но они могут помочь нам построить лучшие, более глубокие определения.

ориентированные на человеческую концептуализацию реальности, которая отражена и воплощена в языке» [12, 226].

Созокупность прототипов объектов материального мира образует так называемый «прототипический мир», который значительно проще реального материального мира. В словаре когнитивных терминов мы читаем следующее: «Люди формируют конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принадлежащих некоторой категории. Этот образ называется прототипом, если с его помощью человек воспринимает действительность: член категории, находящийся ближе к этому образу, будет оценен как лучший образец своего класса или более прототипический экземпляр, чем все остальные. Прототипы – инструменты, с помощью которых человек справляется с бесконечным числом стимулов, составляемых действительностью» [38, 144].

Итак, концептуальные универсалии могут иметь совершенно различные прототипы, то есть в каждом языке в соответствие универсальному концепту приходится свой национально-специфический образ этого концепта, о чем носитель другого языка может и не знать. Представители разных языков и культур могут говорить как бы об одном и том же, но при этом образно представлять совершенно разные объекты. У Анны Вежбицкой мы встречаем следующие утверждения: «Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, желтая или черная), и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце (например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или коричневая, чем зеленая)» [12, 233 – 234]. Отсюда следует, что, вероятнее всего, наилучшим способом знакомства с национальными прототипами концептуальных универсалий станет пребывание в этой среде, чтобы прочувствовать ее в полном смысле этого слова для правильного понимания концепта. Исходя из того, что прототипы являются составляющими национального образа мира, мы утверждаем, что без их знания невозможно проникнуть в иноязычную КМ.

Национальная специфика семантики абстрактных понятий объясняется конкретными факторами материальной среды бытования этноса, формирующими национальный склад мышления. Национальное сознание, в свою очередь, порождает абстрактную лексику, не имеющую эквивалентов в других языках. Природные условия, наиболее повлиявшие на формирование национального менталитета, можно назвать **доминантами среды бытования этноса**. А доминанты эти, как упоминалось выше, различны у разных народов.

Специфические абстрактные понятия есть во всех национальных языках. Однако, без помощи лингвистов и культурологов, полностью владеющих содержанием НЯКМ определенного языка, невозможно проникнуть в сущность абстрактных концептов, а тем более попытаться установить зависимость национальной специфики таких концептов от реалий внешнего мира. В своих работах Г. Д. Гачев писал: «... в ядре своем каждый народ остается самым собой до тех пор, пока сохраняется особенный климат, времена года, пейзаж, национальная пища ..., – ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные складки бытия и мышления» [13, 430].

2.4. Человеческое сознание как фактор формирования НЯКМ

Коллективное сознание представляет собой совокупность индивидуальных сознаний всех представителей того или иного общества. Обыденное человеческое сознание – сущность многоуровневая. Психологи выделяют в нем четыре компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и ценностно-нравственный [39]. На продвинутом этапе развития коллективного этнического сознания каждый из этих компонентов использует готовый набор собственного понятийного аппарата для восприятия и переработки любой информации, поступающей в сознание.

Проанализируем некоторые результаты работы каждого из компонентов сознания, чтобы убедиться на конкретных примерах в разнице работы каждого из элементов языкового сознания у представителей разных культур.

Начнем с сенсорно-рецептивного компонента. Казалось бы, все люди должны видеть, слышать, осязать и обонять одинаково. Но отдельные языковые факты указывают на различия в чувственном мировосприятии некоторых фрагментов ПВК представителями разных языков и культур.

Например, существуют расхождения в языковом воспроизведении звуков, издаваемых собаками – *гав-гав* (в русском языке) и *wau-wau* (в немецком языке), петухами – *кукареку* (в русском языке) и *kikeriki* (в немецком языке), овцой – *ме-е-е* или *бе-е-е* (в русском языке) и *mie-mie* (в немецком языке), пчелой – *з-з-з* (в русском языке) и *sum-sum* (в немецком языке).

Также почти во всех языках мира существует семантическое поле цветообозначений. Здесь можно говорить о несовпадении цветовой семантики в разных языках. Чем же оно объясняется? Мы следуем утверждению о том, что такие различия обусловлены неодинаковым выбором образцов того или иного цветового концепта. В окружающем мире очень много разных референтов, которые могут использоваться языками в качестве цветовых прототипов. Отбор этих референтов тем или иным языковым сознанием и определяет уровень расхождения национальных цветообозначений в разных языках. Приведем пример из публицистического текста: «А сцена была оформлена в соответствии с расцветкой национального флага». У гражданина Казахстана сразу бы всплыл образ сцены, оформленной в рамках нежно-голубого и желтого цветов. И, наоборот, у немца создалась бы следующая картина перед глазами: сцена, где сочетаются черное, красное и желтое. Таким образом, можно сделать вывод, что в формировании общего семантического поля нации, в формировании НЯКМ принимают участие разные компоненты человеческого сознания, одним из которых является сенсорно-рецептивный компонент, отвечающий за восприятие и концептуализацию сенсаций.

Логико-понятийный компонент языкового сознания влияет еще в большей степени на национальную специфичность вербализации ПВК, так как он членит внешний мир на отдельные фрагменты, которые впоследствии становятся концептами национального языкового сознания после того, как за ними закрепляется определенное название.

В любой национальной культуре можно обнаружить специфические черты, которые играют особо важную роль в формировании национального характера и склада мышления. Такие черты мы можем с полной уверенностью обозначить как культурно-этнические доминанты. Они и предопределяют национальные особенности поведения, мировосприятия. И это естественно, что культурно-этнические доминанты находят свое отражение в национальной лексике.

Специфика работы логико-понятийного компонента обыденного сознания по концептуализации окружающего мира проявляется, в основном, либо в несопадении границ между концептами в рамках единого семантического поля, либо в разной степени конкретизации понятий.

Рассмотрим обозначения периодов суток в разных языках: немецком и русском. Для немецкого языка полдень является значимой категорией, относительно которой определяются другие периоды суток, для русского же языка он не так характерен. В толковом словаре В. И. Даля [40] мы находим следующие определения в русском языке:

Утро – часть суток, начало дня, первые часы дня;

День – часть суток от восхода до захода солнца;

Ночь – часть суток от захода до восхода солнца;

Вечер – время суток от окончания дня до наступления ночи.

Определения, как мы выяснили, произведены не очень удачно, так как дано неверное толкование вечера. Если день оканчивается с заходом солнца, а ночь с него начинается, то непонятно, какой период времени должен занимать вечер. В немецком же языке, наоборот, существует четкое деление периодов суток по часовым параметрам [41]:

Утро – с 6 до 9 часов

День – с 9 до 18 часов

Вечер – с 18 до 21 часов

Ночь – с 21 до 6 часов.

В связи с этим и соответствующие формы приветствия должны произноситься в соответствии с принятой схемой. Нечеткость и противоречивость концептов времени суток в русском языке является особенностью русского языкового сознания. Мы часто употребляем в своей речи выражение «с утра до вечера», хотя каждый говорящий подразумевает совершенно разные временные периоды.

Относительно различной степени конкретизации понятий следует отметить, что центральные понятия категорий часто не совпадают по объему значения. Они также могут отличаться и на уровне коннотаций. Степень конкретизации каждого из концептов является не единственным различием в работе национальных языковых сознаний. Более существенным, на наш взгляд, для формирования особенностей национального мировидения оказывается **степень идентифицированности** человека с другими категориями объективного мира, проявляющаяся в применимости или неприменимости одних и тех же наименований как к людям, так и к концептам других семантических групп. Степень, в которой национальное языковое сознание отдаляет человека от

животных или, возможно, стирает эту грань вообще, имеет такие следствия, которые во многом обуславливают отношение целого народа ко многим особенностям других культур.

Еще раз хотелось бы напомнить, что специфические черты национального мировоззрения и мироощущения формируются только под влиянием многих факторов культурного содержания. Результаты концентуализации отдельных частей объективного мира дают нам информацию о национальном характере и менталитете, однако, они должны подкрепляться экстралингвистическими факторами и рассматриваться наряду с другими областями знания национальной специфики [42].

Эмоционально-оценочный и нравственно-ценностный компоненты человеческого сознания формируют субъективное отношение ко всему, что отражено в языке, тем самым, формируя национальную «мирооценку». Она, в свою очередь, фиксирует эмоциональное отношение коллективного носителя языка к обозначаемому. Оценки, формируемые нравственно-ценностным компонентом сознания, применяются по отношению к наиболее типичным социально значимым ситуациям, моделям поведения в таких ситуациях. Они представляют собой обобщение коллективного жизненного опыта. В связи с этим носителями эмоциональных оценок являются специальные слова, выражающие субъективные оценки, и вся коннотативная зона национального языка.

Под коннотацией мы понимаем «дополнительное содержание слова ... его сопутствующие семантические и стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов...» [43, 203-204].

Носителями «ценностных» оценок являются отдельные слова, обозначающие концепты из области нравственно-ценностных категорий, и наибольшую группу составляют пословицы и поговорки того или иного национального языка.

В наибольшей степени неповторимость национального образа мышления в области нравственно-ценностной интерпретации мира отражена в национальной фразеологии.

С.А. Шувалова в своей работе высказывает мысль о том, что в пословицах и поговорках любого народа «... с удивительной выразительной силой запечатлелась «картина мира», сложившаяся в представлении «обобщенного» ... человека» [44, 103].

Мы предполагаем, что, в силу возникновения в разных исторических условиях, пословицы и поговорки часто применяют для выражения одной и той же мысли различные образы, которые отражают различия в социальном укладе и бытовых условиях народа. Следовательно, часто пословицы и поговорки одного языка не имеют эквивалентов в других языках. Однако, межъязыковые контакты становятся причиной разного рода заимствований, «копирований» и тому подобных явлений, и тогда мы можем говорить о тождественности смысла и средств образного выражения [45].

В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что, пытаясь проникнуть в нравственно-ценностную и образную системы НЯКМ иностранного языка, запечатленных в его фразеологии, следует постараться выступить в роли «двухязычника», так как «... двухязычие — это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления. С другой стороны — на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. Ибо «двухязычник», живя между двух моделей мира, явственно ощущает недостаточность, относительность каждой из них, чего не видит самоуверенный «одноязычник», на каком бы великом языке он ни мыслил. Ценностно-акцентные системы двух языков (двух миров) взаимопросвечивают друг друга» [13, 37].

2.5. Выводы к разделу 2

1. НЯКМ представляет собой национально-специфическое видение всего сущего, выражаемое в лексике соответствующего языка. Под **видением** мы понимаем логическое осмысление, чувствование и оценивание, а в понятие «сущее» включаем не только реальный окружающий мир, но и привносимое в него человеческим сознанием. Узнать НЯКМ чужого языка с позиции родного языкового сознания практически невозможно. Но, изучив лексическую систему языка, можно получить представление о национальном образе мышления, национальном характере.

1. Окружающий мир может быть назван **пространственно-временным континуумом (ПВК)**. Это обозначение указывает на бесконечность и непрерывность в пространстве и во времени и соответствует обозначению «все сущее». Содержание ПВК определенного этноса оказывает большое влияние на формирование НЯКМ.

2. Специфичность вербального отвержения мира обуславливается, в первую очередь, различиями объективных реальностей мира, данному конкретному этносу в непосредственных ощущениях.

3. Специфичность лексики предопределяют также особенности коллективного сознания, проявляющиеся в неодинаковости переосмыслений одних и тех же реалий внешнего мира, а также в разнице работы эмоционально-оценочного, нравственно-ценностного компонентов человеческого сознания.

4. Наивная картина мира обыденного сознания, в которой преобладает предметный способ восприятия, имеет интерпретирующий характер. В языке фиксируются коллективные стереотипные и эталонные представления, деятельность человеческого сознания объективируется и делает ее доступной для изучения.

5. Каждый конкретный язык представляет собой самобытную систему, которая, в свою очередь, накладывает отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира.

6. Фразеология играет особую роль в формировании ЯКМ. Она отражает жизнь определенного этноса во всем ее многообразии. Происхождение значения ФЕ напрямую связано с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурными традициями народа – носителя языка. ФЕ могут выполнять роль эталонов, стереотипов культурно-национального мировосприятия.

РАЗДЕЛ 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЯКМ НА ПРИМЕРЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ

3.1. Логическое понимание сравнения в сопоставлении с лингвистическим толкованием

С точки зрения логики, «сравнение – это один из основных логических приемов познания внешнего мира и духовных ценностей. Познание любого предмета или явления начинается с того, что мы его отличаем от всех других предметов и устанавливаем сходство его с родственными предметами... Нельзя образовать ни одного самого простейшего понятия, не обратившись к этому логическому приему» [46]. Соответствующее толкование сравнения мы можем увидеть в учебнике по языкознанию, где оно представлено в качестве «мощнейшего» средства познания окружающего мира [47]. Именно через сравнение предметов и явлений по схожим признакам был достигнут большой багаж человеческих знаний о внешней среде.

В. М. Столычев в своих исследованиях углубил и конкретизировал данную мысль, добавляя, что в ряду других логических приемов сравнение занимает особое место. Анализ, синтез, абстрагирование, обобщение немыслимы без сравнения, которое пронизывает все формы мышления. Оно находится всегда в основе семантики словосочетаний и предложений, их грамматического значения или изобразительной функции [48].

С позиций лингвистики сравнение рассматривается как стилистический троп, состоящий в уподоблении одного предмета другому на основании общего у них признака, а также как понятие большей или меньшей степени качества предметов. Различают сравнение отрицательное, простое и развернутое.

Отрицательным является сравнение, построенное не на сопоставлении двух предметов, явлений, а на их противопоставлении. При простом сравнении характерно рассматривание двух предметов по одному общему у них признаку: *Её уста, как роза, рдеют* (Пушкин).

Развернутое сравнение построено на сопоставлении многих схожих черт: *Он нежен, мягок, как рокот волны, тягуч и густ, как смола, ярок, как молния.*

В языкознании различают также понятие «сравнительный оборот». Это – оборот, выражающий сравнение и представляющий собой часть простого предложения.

По утверждению Э. Сепира, сравнение является древнейшим видом интеллектуальной деятельности, задолго до появления счёта [9].

По определению М. Фуко, сравнение есть «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытный, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания...» [49].

Как уже отмечалось, концептуальное осмысление категорий культуры находит своё воплощение в естественном языке. Так, например, менталитет и духовная культура воплощаются в единицах языка, прежде всего, через их образное содержание.

Одним из первых на устойчивое сравнение как на основной тип фразеологических конструкций обратил внимание В. В. Виноградов. По его мнению, внутренняя условность фразы определяется традиционно-национальной характеристичностью образа, его бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью [50].

3.2. Структура сравнения. Способы выражения сравнения

Сравнение как категория логики предполагает наличие трёх элементов:

- 1) понятие, которое требует пояснения;
- 2) понятие для пояснения;
- 3) связывающий элемент двух понятий.

С этих позиций, однако, исследователи рассматривают сравнение как языковую категорию, где оно представляет собой сложное единство значимых элементов, их особую организацию, т.е. модель или структуру. А существо всякой структуры определяется взаимоотношением составляющих её элементов.

Таким образом, можно выделить следующие элементы сравнения:

- 1) то, что сравнивается или предмет сравнения (А);
- 2) то, с чем сравнивается – образ, объект, эталон (В);
- 3) то, на основании чего сравнивается, основание сравнения (С);
- 4) то, с помощью чего сравнивается показатель сравнения (Т) – сравнительные союзы «как», «точно», «словно», «будто», грамматические формы (степени сравнения прилагательных).

Второй элемент называют образом сравнения, или эталоном.

Эталоны, по определению, являются средствами измерений или их комплексами, обеспечивают восприятие и хранение единиц физической величины.

На социально-психологическом уровне эталон понимается как проявление нормативных представлений о явлениях природы, общества, о человеке и присущих ему качествах и свойствах.

В эталоне измеряется образно мир в сознании человека, то есть эталоны отражают национальную специфику мироизмерения. Они функционируют в языке в виде устойчивых сравнительных оборотов.

Вслед за Л.А. Лебедевой, мы считаем, что устойчивое сравнение не только понятие, фигура речи или стилистический приём, но и особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная значением и особой формой его выражения [51]. Формы эти в русском языке разнообразны:

- творительный падеж сравнения: *снежная пыль столбом стоит в воздухе.*
- форма сравнительной степени прилагательного или наречия: *Ты всех милее, всех дороже.*
- обороты со сравнительными союзами *как, будто, словно, точно*: *Внизу, как зеркало, стальное, синеют озера струи (Тютчев)*
- лексическая форма (при помощи слов «подобный», «похожий» и т.д.): *Его любовь была подобна безумию.*
- сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный»: *дугообразные брови, женоподобный образ.*
- наречия, образованные от притяжательных прилагательных с формантом «по»: *по-лисьи хитер»* и т.д.

Теперь перейдем к понятию «сравнительный оборот». В его состав входит обычно:

– имя существительное в именительном падеже, без пояснительных слов или с пояснительными словами: *змея, стреляный воробей, глухая тетеря*.

– имя существительное в косвенном падеже или слово другой части речи, выступающее в роли второстепенного члена предложения (чаще всего обстоятельства): *Так же непринужденна, как в Стальхейме, была ее походка* (Федин). *И сон, и сладостный покой, как и прежде, посетили снова мой угол, тесный и простой* (Пушкин).

Между придаточными и сравнительным оборотом находится неполное сравнительное придаточное предложение, в котором представлены состав подлежащего и состав сказуемого без самого сказуемого: *Существование его заключено в эту тесную программу, как яйцо в скорлупу* (Чехов), где предложно-именное сочетание «в скорлупу» не определяет слово «яйцо» и представляет второй состав: *Мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы* (Пушкин).

В немецком языке сравнения также рассматривают с позиции структурной классификации: здесь различают **сжатые, развернутые и закрытые** сравнения [52, 211].

Сжатые сравнения вводятся с помощью слов *wie*(как), *als*(чем), *als ob*(словно). В первых двух случаях образуются сравнения положительного характера:

Er ist so alt wie du. - Он такого же возраста, как и ты.

Er ist jünger als du. - Он младше тебя/ чем ты.

В это же время с *als ob* возникают негативные/ нереальные образы:

Du tust so, als ob du ein kleines Kind wärest! - Ты ведешь себя так, словно ты маленький ребенок! (сокр.: как маленький ребенок!)

При отсутствии вводного слова мы говорим о сужении сравнения, как например:

Sie betrat das Zimmer, eine Rose, eben erblüht. - Она вошла в комнату – едва распустившийся цветок, юная роза.

Развернутые сравнения содержат наиболее близкое определение понятия, с которым что-либо сравнивается. Приведем пример:

Frau Schmidt engagiert sich immer aktiv für den Umweltschutz und ruft alle andere dazu auf, so wie ein Hecht im Karpfenteich.

Фрау Шмидт активно выступает в защиту окружающей среды, привлекает к этому других, тем самым призывая их к действиям.

Наряду с гротескной образностью здесь нельзя не заметить и юмор, который, однако, не влияет на серьезность и важность информации, а лишь конкретизирует образ героини.

В эту подгруппу также входят двусоставные сравнения:

Er schwankte beim Gehen, wie ein Kranker oder wie ein Betrunkener.

Он качался при ходьбе, словно был болен или выпивши.

Закрытые сравнения еще называют иносказаниями (притчами). Речь идет о развернутых образах, в которых акцентируется либо область сравнения, либо область предмета сравнения. Такие сравнения часто употребляются в художественной литературе и публицистике.

Немецкие сравнения классифицируются по частоте их употребления и распространенности. С этой позиции различают *индивидуальные (окаzionali)*, *общезыковые (постепенно устаревающие)* и *устаревшие* сравнения. В художественной литературе, в публицистике и в обиходной речи мы часто сталкиваемся с оригинальными образованиями:

Geruechte waren wie ein Schwarm Kraehen aufgefliegen. - Случи разлетелась какстая журавлей.

Это сравнение наделено большой силой образности. Читатель или слушающий представляет себе «парящие» в воздухе слухи и одновременно «слышит» удаляющиеся голоса. Этот удачный образ имел бы все шансы войти в обиходное употребление, заменяя полностью устаревшее выражение: *ein Geruecht geht, verbreitet sich wie ein Lauffeuer durch die Stadt* - Слух идет, распространяясь с быстротой молнии/ как беговой огонь.

Понятие «*Lauffeuer*» - «беговой огонь» сегодня устарело, вышло из употребления, так как этого явления в реальности уже не существует. Еще до изобретения огнепроводного шнура понятием «*Lauffeuer*» обозначали огонь, который продвигался вперед через рассыпанный вдоль по земле порох.

Рассмотрим два сравнения о человеческом смехе:

1. *Er lachte sein sanftes gutturales Lachen, das klang, als gluckste eine Quelle in seiner Brust.* - Он засмеялся своим нежным гортанным смехом, который звучал так словно в его груди журчал родник.

2. *Er lachte wie sechs Truthaehne.* - Он смеялся так, как смеются шесть индюков.

Первый текст легко воспроизводим образно благодаря реальному представлению очевидных фактов, а второй шокирует непредвиденностью такой установки и кажется немного странным.

3.3. Качественный анализ немецких и русских сравнительных оборотов по их функциям (энциклопедической, социально-информативной, экспрессивной и образно-экспрессивной).

Сопоставление немецких и русских сравнительных оборотов позволяет получить информацию об их энциклопедической, социально-информативной, экспрессивной, образно-экспрессивной функциях.

Эталоны несут энциклопедическую информацию, как о типичных чертах человека, животного, явления, предмета, так и о менее явных признаках, не отраженных в словарных дефинициях.

Проанализировав группу сравнительных оборотов, мы пришли к выводу, что по семантическому признаку их можно разделить на группы:

1. как отражение внутренних качеств человека (физические качества, черты характера, интеллект, умения, навыки);
2. как отражение внешних качеств человека;
3. как отражение характера деятельности человека.

Далее мы рассмотрим подробнее данные сравнения на основе их этимологического и исторического анализа.

Сопоставительный анализ показывает, что, несмотря на сходство определенного количества сравнений, они всё же в большей части значительно отличаются. Итак, мы рассмотрим языковые единицы, отражающие внутренний мир человека.

Под внутренним миром человека мы понимаем его психологические свойства, характер, наклонности, отношение к себе и к людям, взгляды, способности, психологические и эмоциональные состояния.

Полная эквивалентность присуща таким сравнениям, которые возникают в силу общих представлений и ассоциаций у разных народов в связи с общностью тех или других признаков окружающей действительности. Привычность образа, лежащего в основе сравнения, поддерживается и тем, что в языке параллельно в ряде случаев присутствует общеязыковая метафора, взятая из мифов, легенд, поверьев. Приведем некоторые из них.

Значение образа быка в метафорическом представлении в русском и немецком языках совпадают:

1. лицо необычайно большой физической силы;
2. лицо в состоянии слепой ярости.

Соответственна и эквивалентность сравнений «*stark wie ein Stier*» в немецком языке и «он силен (опасен) как бык» в русском языке.

В немецком языке, однако, часто употребляемы и такие сравнения: «*stark wie ein Baer/eine Eiche*» (силен как медведь/как дуб). Происхождение данных эталонов связано с географической средой Германии, а их выбор основан на присущих данным понятиям признаках силы, могущества.

Сравнительные обороты «кроткий как овца», «смирнее овцы», «агнец во плоти», «невинная овечка» находят эквивалент в немецком языке в сравнении «*unschuldig wie ein Lamm*» (буквально «невинный как овца»). В обоих языках данные сравнения берут свое начало в Библии, где говорится о традиции

жертвоприношения, в качестве которого выступает овца. В немецком языке иногда прибавляют дополнительный элемент «*wie ein Lamm, das zur Schlachtbank geführt wird*» (буквально *как овца, отправляемая на бойню*), который усиливает чувство незащищенности, безропотности данного животного.

Рассматриваемые сравнения характеризуют тех людей, кто часто страдает из-за своей кротости, неумения постоять за себя. Негативная оценка субъекта смягчается эмоциональным выражением мягкой иронии.

Библейское происхождение имеет также сравнительная конструкция «*заблудшая овца*», характеризующая человека, сбившегося с правильного жизненного пути, и имеющая прямой эквивалент в немецком языке: «*ein verirrtes Schaf*».

Если рассматривать эталон «*овца*» сквозь призму мировоззрения молодого русскоговорящего человека, то можно говорить о современной коннотации данного понятия. Проведя социологический опрос среди студентов, мы выяснили, что в лексике сегодняшней молодежи слово «*овца*» имеет оттенок пренебрежения и характеризует человека ничтожного, никчемного. Сюда, кстати, в русском языке относятся также такие слова, как «*тля*», «*червь*», в которых присутствует коннотативная сема мелкости, незначимости, приниженности. Это можно проследить и по отрывкам из художественной литературы:

Эка-невидаль! Обиделась...Тля какая-то, а с характером!

Червь, Паша, он на то и есть, чтоб в земле рыться... Так что ходи по низу, не рвись в верхи – раздавят!

Хитрость и изворотливость характера в русском и немецком языках отражается в образе лисы: «хитер как лиса» и его прямой эквивалент «*ein schlauer Fuchs*» в немецком языке. Данные сравнения основаны на повадках дикого животного.

Упрямость связана в обоих языках с образом осла: «упрям как осел» и «*stoerrisch wie ein Esel*», который в действительности проявляет упрямость при ходьбе и т.д.

Группа сравнений имеет в качестве эталона близкие образы, но не тождественные, например, в русском языке сравнение «*извиваться ужом*» характеризует такие внутренние качества, как хитрость, изворотливость человека (см. «хитер как лиса»). В качестве эталона выступает образ ужа – змеи, часто встречающейся на территории России. В немецком же языке мы находим его семантическое соответствие в структуре с иной лексической напслняемостью: «*sich wie ein Aal winden*», где в качестве эталона выступает змеевидная рыба – угорь, встречающаяся в большом количестве в Балтийском море и в реке Рейн.

«Кожа у угря скользкая, его очень трудно удержать в руках». Поэтому в немецком языке также говорят «*glatt wie ein Aal*» (буквально *скользкий как угорь*), но в русском языке нам привычно обобщенное сравнение: «*скользкий как рыба*», основанное также на внешних признаках данного явления.

В значении «хитрый, изворотливый» в русском языке мы наблюдаем также употребление таких эталонов как «жук» и «гусь»:

*Ну и жук Вы, Федор Игнатъич! Так ловко запустить дело – ай да ну!
Хорош гусь! Обставил всех в два счета – и ахнуть не успели...*

Выражение «белая ворона» в русском языке носит негативный оттенок высказывания и характеризует людей, резко выделяющихся среди других своими взглядами, поведением, тем самым отчуждающегося от общества. Этот образ понятен. Ведь в природе белая ворона встречается очень редко. Своим цветом она резко отличается от ворон обычной окраски.

В немецком языке в этом значении употребляется фразеологизм «*das schwarze Schaf*» (буквально *черная овца*, разговорно *белая ворона*). Чем же обусловлен выбор данного эталона в немецком языке? В основе сравнения лежит исторический период в развитии Германии. В конце XVIII в. животноводство пришло в сильный упадок и ввоз мериносовых овец способствовал его развитию. Их шерсть имела белый цвет, поэтому черная овца резко бы выделялась на их фоне. Выражение «*das schwarze Schaf*» часто употребляется в литературных произведениях.

Если в русской речи говорят «глуп как осёл», то в немецком языке здесь выступает сравнение «*dumm wie ein Ochse*», где эталоном является образ быка. Образ осла, ассоциируемый с понятием «глупость», мы можем проследить в народных сказках, баснях И. А. Крылова. Однако, образ быка в немецком языке связан с историей хозяйственного строя Германии, в XVII-XVIII в.в. земледелие играло большую роль на территории мелких городов Германии. Для пахотных работ использовались быки, повадки которых и послужили основой для сравнения.

Очень интересно отметить здесь тот факт, что в русском языке идею глупости связывают с деревом как материалом: *глуп как полено/ бревно/ пробка*, поэтому частые обозначения глупого или тупого человека выражаются в следующих словах: *бревно, пень, чурка, дубина, дубье*.

В немецком же лексиконе мы встречаем следующее сравнение: *dumm wie Bohnenstroh* – *глуп как фасолевая солома* (буквально). В средние века полевая фасоль играла большую роль в сельском хозяйстве и жизни немцев, вообще. Сухие побеги фасоли дают твердую солому и этот факт лег в основу сравнения. Впрочем, фасоль даже называли тогда «средневековым картофелем». Она давала пищу людям, корм скоту и удобрение почве.

Образная основа сравнений в разных языках может быть одной и той же, но она образует разные по значению единицы в связи с тем, что присутствует разная культурно-историческая коннотация.

Следуя Ю.Д. Апресяну, мы понимаем под коннотацией устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности [53].

В русском языке, например, образ зайца ассоциируется с понятием «трусость», основанное на наблюдении за повадками данного животного. Этот образ мы встречаем в народных сказках, поверьях, песнях.

В немецком языке выделяются другие стороны «заячьего» характера.

Взрослые зайцы бегают очень вертко, стараются спутать следы, делая громадные скачки в сторону и назад, то есть проявляя при этом большую смышленность. На данном наблюдении основывается фразеологизм «*ein alter Hase*» в значении «опытный человек», «отличный специалист» (буквально *старый заяц*). Здесь подчеркивается знание дела человеком, с ним связываются положительные коннотации. При переводе на русский язык *старый заяц* превращается в *стрелянного воробья*, и даже в *старого (травленного) волка*, так как в русском языке все эти фразеологизмы имеют приблизительно одно значение: человек, приобретший большой опыт, знания; человек, которого трудно провести. Образная основа этих фразеологизмов в обоих языках одинакова: человек уподобляется какому-либо животному или птице, на которого много охотились, стреляли, травили собаками. Если во фразеологизм включено название конкретного животного или птицы – *alter Hase, стреляный воробей, травленный волк*, то оно придает всему обороту дополнительный смысловой оттенок. Называя кого-либо «старым травленным волком», мы указываем не только на богатый жизненный опыт человека, здесь есть намек и на такие качества, которые присущи волку – сила, смелость, жестокость. Употребляя выражение «стреляный воробей», следует быть осторожным, так как оно может придать иронический характер: воробей, ведь по своей сути, пугливая птичка.

Зесьма любопытно проследить использование в качестве эталона сравнения слово «*Hamster*» в немецком языке и его соответствие в русском – «хомяк». Прямое значение слова в обоих языках совпадает: «зверек – зерноед с защечными сумками, живет в норах, зимой впадает в спячку», однако общеязыковая метафора различна.

В русском языке с образом хомяка мы ассоциируем человека вялого, бездеятельного. Мы также можем говорить о человеке замкнутом, избегающем общества людей. Социолингвистический опрос, проведенный нами, показал, что образ хомяка также ассоциируется часто с человеком хозяйственным, запасливым. Примером может служить обычная фраза из диалога двух женщин: «Да у неё муж как хомяк – все в дом тащит, все старается».

Метафорическое значение в немецком языке основано на образе хомяка как опасного грызуна, затаскивающего в свое жилище семена и плоды растений. Поэтому он символизирует такое качество человека, как жадность, это можно проследить в таких немецких сравнениях: *gierig wie ein Hamster, raffsuechtig wie ein Hamster* (буквально *жадный, алчный как хомяк*).

При сопоставительном изучении фразеологии разных народов такое сходство и такие различия встречаются постоянно: неожиданная близость образов в разных языках и не менее неожиданное различие образов при значительном сходстве значения самих фразеологизмов [54; 55; 56].

В русском языке фразеологизм «*птенец желторотый*» указывает на полное отсутствие жизненного опыта, на наивность, незрелость. Образная основа здесь ясна: человек уподобляется птенцу, только что вылупившемуся из яйца. В немецком языке мы встречаем следующее соответствие: *ein junger Hund (щенок)*. При определении психических качеств в русском и немецком языках

употребительны следующие сравнения: упрямый как осел/баран – *ein sturer Bock* (буквально упрям как осел); интеллекта – *eine bloede (dumme) Ziege, eine bloede (dumme) Gans* (буквально глуп как коза/гусь) и в русском языке глуп как сивый мерин/осел/баран; эмоциональных состояний – злой как собака в русском языке и *boose wie ein Wolf* (буквально злой как волк) в немецком языке.

Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими свойства и качества человека, например: гусь – о ненадежном или глуповатом человеке, осел – о глупом, упрямом человеке и т.п.

Но не всегда качества характера, которые переносят с животных на человека, совпадают в русском и немецком языках. Если, например, в немецком языке образ гуся ассоциируется только с глупостью: *bloede (dumme) Gans* – разговорно *дура, die Gans* – *молодая неопытная девушка*; то в русском этот образ вызывает представление о важности или жуликоватости кого-либо. Это можно проследить в следующих выражениях: *Хорош гусь! Важный гусь! Ну и гусь! Как с гуся вода!*

Немецкое сравнение «*wie ein begossener Pudel*» (буквально *пудель, которого облили*) отражает и внешность, и внутренние качества человека. Данный образ, намекающий на случайность, неожиданность происшедшего, в первую очередь, связывается с мыслью о внешнем облике человека, попавшего в нелепое положение, который выглядит смешным и жалким как пудель, «которого обкатали водой или как побитый» [57]. В русском языке данной ФЕ соответствует выражение «мокрая курица», однако, в отличие от общего с немецким сравнением значения «смешной, нелепый человек» здесь присутствует ещё и оценка характера человека: безвольный, бесхарактерный. С данным значением в немецком языке может выступать фразеологизм «*eine lahme Ente*» (буквально *парализованная, хромая утка*), который тоже вызывает представление о чем-то нелепом.

Проворность, быстрые действия человека в обоих языках сравниваются с повадками белки: *проворный как белка – flink wie ein Eichhoernchen*. В значении «худая девушка» при сравнении употребляется один и тот же эталон: *tager wie eine Ziege* – *худая как коза*.

Выражение «*ein scheues Reh*» (буквально *пугливая косуля*) характеризует хрупкую и застенчивую девушку, тогда как в русском эквиваленте мы видим другой эталон – *робкая/стройная как лань*. Выбор в качестве эталона сравнения слова «*косуля*» в немецком языке обусловлен большим распространением данного вида животных на территории Германии.

Человека могут прекрасно характеризовать и его действия, поступки, поведение в той или иной обстановке.

Поскольку рассматриваемые сравнительные обороты называют действие, в их состав обязательно включается хотя бы одно глагольное слово: *arbeiten wie ein Pferd* (разговорно *работать как вол*). Так как в качестве эталона сравнения нередко выступает название животных или птиц, то характеризующие человека действия называются метафорически.

С давних времен на территории Германии обитало большое количество зайцев и диких кроликов. Местами обитания диких кроликов и зайцев является

небольшие леса, заросли кустарников, сады, парки. Иногда они селятся непосредственно вблизи человеческого жилья. Образ жизни, повадки зайцев и диких кроликов предопределили возникновение целого ряда ФЕ в немецком языке. На наблюдении заячьих повадок основываются сравнительные конструкции: *wissen, wie der Hase laeuft* (буквально *знать, как бежит заяц*; разговорно *знать толк в деле*); *sehen wie der Hase laeuft* (буквально *смотреть как бежит заяц*; разговорно *наблюдать за развитием события*).

Плодовитость диких кроликов вошла в поговорку: *sich vermehren wie die Kaninchen* (буквально *размножаться как кролики*), которое имеет полное лексическое и семантическое совпадение в русском языке.

Образ барсука часто употребим в немецких сравнениях ввиду его широкого распространения по всей территории Европы. Это зверек, живущий в глубоких норах, имеющих сложное строение из-за большого количества боковых ходов и гнездовой камеры.

Выражение «*arbeiten wie ein Dachs*» (буквально *работать как барсук*) подчеркивает, что кто-либо очень трудолюбив, настойчив. Соответствующий ему в русском языке эквивалент – сравнение «*работать как вол*» указывает на тяжелый характер работы, то есть характеризует чью-либо выносливость. Происхождение данного фразеологизма основано на историческом периоде развития России – в XIV-XV веках.

Земледелие играло большую роль и для пахотных работ использовались золы и лошади, повадки которых послужили основой для сравнения. Отсюда и часто употребляемая в просторечье синонимичная конструкция «*пахать как лошадь*».

Сравнительный оборот в немецком языке «*schlafen wie ein Dachs*» (буквально *спать как барсук*) в русском языке представлен соответствием «*спать как сурок*», в котором акцент делается на «глубокий сон». Учитывая общенародные данные, зимняя спячка у барсука не такая глубокая, как у сурка. Думается, выбор компонента «*Dachs*» (барсук) в немецком языке связан, как упоминалось выше, с большим количеством данных животных на территории Германии [58].

Излишняя несдержанность в речи выражается в немецком языке с помощью сравнительного оборота «*schwätzen wie eine Elster*», который полностью совпадает с русским «*трепцать как сорока*» и обусловлен наблюдениями за повадками данной птицы.

Спортивные умения или, скорее недостатки прослеживаются во ФЕ «*schwimmen wie eine bleierne Ente*» (буквально *плавать как свинцовая утка*), которая в русском языке аналога с эталоном – зоонимом не имеет, а переводится следующим сравнительным оборотом «*плавать как топор*» (идентифицируя полное и моментальное погружение в воду данного орудия труда ввиду его тяжести). В немецком языке мы наблюдаем возникновение отрицательной характеристики деятельности «*плавать как утка*» на основе противопоставления, где дополнение компонента «*свинцовая*» вносит элемент отчужденности в связь данных двух понятий и меняет положительный характер высказывания на негативный.

Негативный коннотативный аспект присутствует и в немецком выражении «*stehlen wie eine Elster*» (букв. *воровать как сорока*). Выбор компонента «сорока» основан на том факте, что эта птица охотно собирает блестящие предметы и уносит их в свое гнездо. В русском языке существует также устойчивое сравнение «сорока – воровка».

Оценочное высказывание при выборе одежды «*sидит как влитой*» (например, костюм) имеет прямой эквивалент в немецком языке «*sitzt wie angegossen*». В обоих языках сравнение обязано своим происхождением литейной технике производства, так как здесь и можно было наблюдать, как расплавленная масса в процессе литья заполняет специальную форму с ровными краями.

Внешняя схожесть двух людей – часто братьев или сестер, выражается в немецком языке в сравнительном обороте «*sich gleichen wie ein Ei dem anderen*» (букв. *схожи как два яйца*), тогда как в русском языке мы употребляем выражение «*похожи как две капли воды*». Употребление эталона «яйцо» связано с традицией немцев по воскресеньям к завтраку обязательно есть яйца, где и можно было установить схожесть тех или иных яиц.

В немецком языке есть следующее интересное выражение: *leben wie ein Fuerst* (букв. *жить как князь/ бог*). В русском языке мы подбираем для него эквивалент «*жить припеваючи*» (разг. *без проблем, без мысли о будущем*). Мы предполагаем, что эталон сравнения «*Fuerst/ Gott*» появился вскоре после Французской Революции, когда во Франции на некоторое время на смену христианству пришел «культ Разума». Бог, так сказать, в это время остался не у дел и мог делать все, что вздумается. Из этих представлений и могло возникнуть вышеназванное выражение в немецком языке.

Умение искренне радоваться чему-либо тоже находит свое языковое выражение в разных культурах. Если в русском языке наиболее употребительно сравнение «*радоваться как ребенок*», где за основу взято непосредственное отношение маленького человека к окружающему миру, его искренность и открытость в выражении чувств, то в немецком языке мы наблюдаем различие в выборе компонентов: *sich freuen wie ein Stint* (букв. *радоваться как подросток*). Однако слово «*Stint*» употребляется в северогерманском диалекте, поэтому он специфичен для жителей северной Германии. Выражение *sich freuen wie ein Zaunkoenig* (букв. *радоваться как крапивник*) происходит из такого факта, что птица крапивник является певчей птичкой, зимует также в Германии и ее бойкое пение навеивает чувство радости. В литературе мы встречаем такой пример:

Als ich Frau Weber sagte, dass sie schon in zwei Wochen nach Paris fliegt, hat sie sich – mein Gott! – wie ein Zaunkoenig gefreut! – Когда я сообщил Фрай Вебер, что уже через две недели она летит в Париж, она – боже мой! – радовалась как ребенок.

Таким образом, мы выяснили, как наименования животных, предметов, явлений выполняют свою энциклопедическую функцию – они сообщают данные, необходимые для становления фразеологического значения. Из большого набора информации о признаках явлений и предметов, их отношении

к окружающему миру, психических и физических качествах животного, его внешнем виде, повадках, отбирается одна, которая и реализуется в контексте ФЕ.

Социально-информативная функция.

Некоторые наименования животных, ставшие символами отрицательных качеств, выполняют также социально-информативную функцию. В немецком и русском языках это, прежде всего *Hund* (собака), *Schwein* (свинья), *Ziege* (коза), *Esel* (осел) и тому подобное, то есть названия с негативной коннотацией, основанную как на реальных наблюдениях, так и на сложившемся стереотипе представлений об интеллекте, характере и других чертах животного.

Некоторые из этих представлений имеют очень древние истоки, например, образ собаки, как существа гонимого, известен нам из Библии. Как и в немецкой, так и в русской фразеологии большое количество негативных коннотаций именно с этим эталоном: *wie einen Hund behandeln* (обращаться как с собакой), *izдох как собака*, *собачий сын*, *wie einen Hund behandeln* (обращаться как жить как собака, относиться как к собаке, жить как кошка с собакой).

В русском языке, что особо примечательно, понятие «собака» используют также без указания признака, положенного в основу номинации в качестве одобрительно-восхищенного обозначения человека:

Ах, собака! И когда все успел-то? Ну-у, уважил старика...

У многих народов символом трусости является небольшой пугливый зверек – заяц. Поэтому у русских трус – это «заячья душа», а у немцев – *Hasenfuß* (заячья нога), *Hasenherz* (заячья душа).

О человеке жадном, не желающим поделиться с тем, что он сам не пользуется, говорят «собака на сене» – *des Gaertners Hund*.

Здесь отрицательные коннотации в обоих языках совпадают, также как и в выражении «волк в овечьей шкуре» – *ein Wolf im Schaffspelz*: отражается лицемерие, когда люди скрывают свою истинную сущность под маской доброты. В обоих языках прослеживается резко отрицательное отношение к таким людям. При употреблении ФЕ *козел отпущения* – *Sündenbock* происходит характеристика человека, отвечающего за проступки других, на которого сваливают чужую вину. Своим происхождением сравнительный оборот обязан обряду древних иудеев: раз в году древние иудеи освобождались от всех своих грехов, «возлагая» их на живого козла, который после этого изгонялся в пустыню. Обычай этот давно забыт, а выражение осталось и приняло переносное значение.

Немецкой фразеологизм *melkende Kuh* и его полный эквивалент в русском языке «дойная корова» характеризует людей, средства, силы и знания которых довольно беззастенчиво используются окружающими.

Совпадения не только значения фразеологизма, но и образной основы этого значения в обоих языках возникает независимо друг от друга и являются, видимо, результатом определенной общности образного мышления людей разных наций.

Однако иногда в силу разного "мировидения" наименование одного и того же животного в разных языках может вызывать различные коннотации. Примером может послужить существительное *свинья*.

В русском языке образ свиньи вызывает представление о грязи, подлости, а в немецком, наряду с отрицательной коннотацией, присутствует и положительная. В культуре немцев образ свиньи является символом благоденствия, богатства, так как разведение свиней, как отрасль животноводства играло и продолжает играть большую роль в развитии сельского хозяйства Германии.

Экспрессивная функция.

Непременным условием существования ФЕ является экспрессивность. В составе ФЕ можно выделить компоненты, которые выполняют чисто экспрессивную функцию. Значение такого компонента сводится к усилению экспрессивной выразительности фразеологизма. Данный составной элемент путем тавтологического повтора, конкретизации слова или ФЕ создает образность, повышает общую экспрессивность. Например, сравнительный оборот русского языка «носится как угорелая (кошка)» возник путем эксплицирования, имеющий многочисленные соответствия в других языках ФЕ «носится как угорелый», немецкое выражение «*schreit wie ein gestochenes Schwein*» (букв. *кричит как резаная свинья*) произошло из распространенной в других языках ФЕ «кричать как резаный».

Образно-экспрессивная функция.

Данную функцию выполняют составные элементы фразеологических каламбуров. Каламбуры по своей структуре соответствуют правилам языковой игры. Самый главный принцип заключается в столкновении несовместимых понятий, например: *идет как корове седло, как телеге пятое колесо*, где специфичность употребления заключается в том, что подбирается неважная и никогда не реализуемая часть информации о денотате со знаком "минус" (на коров не надевают седло, значит "не идет", телега ездит на четырех колесах, значит «не нужно»).

Если провести аналогию с немецким языком, мы можем выделить следующие выражения: *wie Faust aufs Auge* (как кулак на глаз, то есть «никак»), *wie Igel zum Taschentuch* (как еж носовому платку, то есть «не нужно»).

3.4. Качественный анализ немецких и русских фразеологических единиц (ФЕ) по стилистическому значению.

Важнейшим фактором языковой фразеологической эквивалентности являются функциональный и нормативный компоненты стилистического значения ФЕ. Наибольшей эквивалентностью отличаются ФЕ, характерные для стилей публичного общения, газетно-публицистического, научно-технического, официально-делового.

Als neuer Stern auf dem Sportgebiet ist abjetzt dieses junge Maedchen zu merken. – *Восходящей звездой спорта можно считать теперь эту юную девушку.*

Nach dieser Kur fuehlten sie sich wie neugeboren. – *После лечения они чувствовали себя как новорожденные.*

Наименьшим совпадением значений обладают ФЕ, употребление которых ограничено обиходно-разговорным стилем и особенно просторечием. Они являются составной частью народного или разговорного фонда языка.

Как правило, просторечная фразеология каждого языка имеет свою собственную оригинальную организацию, почти не имеющую прямых соответствий в сопоставляемых языках. Например: *на козе не подъедешь, как собак нерезаных, стреляный воробей*; *ein fideles Huhn* (хохотушка, буквально веселая курица), *ein dicker Hund* (кляузное дело, буквально толстая собака).

Также не все эквиваленты или аналоги соответствуют по стилю или же имеют разную экспрессивную окраску в русском и немецком языках: Например: *neugierige Ziege* (разговорно грубо любопытная коза) – *не в меру любопытный человек* (разговорно нейтр.); *er ist ja eine Gans!* (разговорно грубо гусь гусем! – в значении «глупый, тупой») – *ну и гусь!* (оттенок важности или жуликоватости, хитрости кого-либо).

В зависимости от того, к какой сфере употребления относится сравнение – литературному языку, обиходно-разговорной речи, специальной лексике, территориальным диалектам – меняется его стилистическая характеристика.

Если ФЕ «*dumm wie Bohnenstroh*» (глуп как фасолевая солома) относится к литературно-разговорной сфере общения, то остальные синонимичные конструкции употребляются в фамильярной и грубо-фамильярной, обиходно-разговорной речи в русском и немецком языках:

глуп как сивый мерин/ осел, чурка/ дубина

dumm wie ein Ochse(бык)/Esel(осел)

Иногда употребляемая ФЕ может выступать в эллиптированном виде:

So einen Esel habe ich noch nie gesehen! – *Такого глупца/осла я еще никогда не встречал!*

Ну и дубина же ты, Вася! Главного-то и не уразумел...

3.5. Коммуникативная значимость ФЕ с национально-специфической окраской.

Возможность коммуникации предопределяется наличием некой общей основы – сюда относится владение единым языком. Но при этом обеспечивается «возможность говорящего произвести цепь грамматически правильных фраз и тем самым участвовать в коммуникативном процессе» [34;16]. Здесь можно говорить о языковой компетенции коммуниканта.

Однако в процессе общения между представителями разных языков и разных культур выявляются не только общие, но и специфические, национальные элементы, возникшие в результате различий в истории развития народов, разных географических и климатических условий, социальных устоев того или иного языкового общества. Данные самобытные элементы культуры играют важную роль в общении с иностранцами, в восприятии иностранных текстов по радио -и-телевидению, в обучении иностранному языку, в процессе перевода.

Вслед за лингвистами Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым, мы утверждаем, что знания о стране, её истории, культуре, экономике, образе жизни населения страны, обеспечивают рецепцию, то есть адекватное понимание обращенной речи [2; 25].

Существенная часть фразеологического состава многих языков, в том числе и немецкого языка, предопределена экстралингвистическими фактами, значение которых необходимо для их адекватного понимания, а некоторые ФЕ выступают в качестве единственных способов обозначения тех или иных явлений и фактов. По контексту можно догадаться о значении существительного и глагола в речи, в тексте, а значение ФЕ с национально-культурной семантикой и образ, взятый за основу в составе данного фразеологизма, остаются зашифрованы, если изучающий язык заранее не познакомился с определенными культурологическими источниками возникновения и использования этих единиц. Таким образом, важным для нас становится вопрос раскрытия внутренней формы ФЕ, имеющей огромную роль для представителей другой лингвокультурной общности.

Анна Вежбицкая в своей книге «Язык. Культура. Познание» утверждает, что «каждый язык образует свою семантическую вселенную» [12]. Следовательно, существуют понятия, фундаментальные для модели одного мира и отсутствующие в другом. Незнание того или иного национально-культурного элемента, составляющего основу образа фразеологизма, часто приводит к неправильному пониманию фразеологизма в целом.

Таким образом, содержание высказывания понимается неверно или недостаточно полно.

Роль коммуникативной значимости особенно возрастает при работе с художественной литературой, газетой, при устном общении и переводе. Национально-культурная информация может находиться не только в материалах, освещающих какие-либо события, но и в отдельных словах и выражениях данного текста [59]. Очень важен вопрос о том, чтобы «донести»

до изучающего язык это внутреннее содержание, иначе та информация, которую несет в себе той или иной фразеологизм, не может быть правильно воспринята [60]. Приведем примеры использования ФЕ в художественной литературе, обиходной речи и попытаемся разобраться в их специфических значениях, чтобы убедиться в том, что незнание какого-либо культурного элемента осложняет понимание на иностранном языке. Например:

К людям, скрывающим свою истинную сущность под маской доброты, мы наблюдаем резкое отношение как в русском, так и в немецком языках:

Sei auf der Hut vor diesem Herrn Müller! Er sieht so guttmütig, so harmlos aus, ist aber ein Wolf im Schafspelz.

Будь осторожен с этим Мюллером! Он выглядит таким равнодушным, безобидным человеком, а на самом деле он волк в овечьей шкуре.

Человека влиятельного, занимающего высокое положение в обществе, в немецком языке называют не иначе как *ein großes Tier* (букв. большой зверь). Сравнивая важность данного человека с поведением зверя в немецком языке, в русском мы говорим о таком человеке *важная птица, птица высокого полета* (умение птицы летать высоко в небе отождествляется с быстрым ростом карьеры, общественного положения человека).

Рассмотренный ранее сравнительный оборот *ein alter Hase* (букв. старый заяц) выступает в следующем предложении:

Sein Vater ist in diplomatischen Dingen ein alter Hase. Er war über 30 Jahre im auswärtigen Dienst.

Его отец в дипломатических делах стреляный воробей. Он больше 30 лет был на дипломатической работе за границей.

Таким образом, при переводе выражения *старый заяц* с немецкого языка в русском варианте употребляется *стреляный воробей*, а иногда можно встретить и *старого / травленного волка*.

Все эти языковые варианты имеют одно значение: человек, имеющий большой жизненный опыт, знания; человек, которого трудно провести. У М. Горького в произведении «Люди» мы встречаем следующее:

Когда грузчики, бросив работать, рассыпались по гавани шумными группами ..., появился Гришка Челкаш, старый травленный волк, хорошо знакомый гаванскому люду, заядлый пьяница и ловкий, смелый вор.

Если бы нужен был немецкий перевод, то немецкая ФЕ *ein alter Hase* была бы как раз на месте.

Выражение *ein begossener Pudel* (букв. облитый пудель) навеивает на представление о человеке жалком, смешном, попавшем в неловкое положение:

Er stand hinter der Tür, ohne das Zimmer zu betreten, wie ein begossener Pudel.

Он стоял за дверью, как мокрая курица, не решаясь войти.

И здесь мы видим явное различие в выборе эталона сравнения. При этом в русском языке фразеологизм *мокрая курица* оценивает характер человека: *безвольный, размазня*:

У мужчины должно быть дело в жизни – ему стыдно быть мокрой курицей. (В.Г.Белинский)

При переводе данной ФЕ на немецкий язык вместо *wie ein begossener Pudel* следует употреблять фразеологизм *eine lahme Ente* (букв. хромая – парализованная утка, которая, в свою очередь, тоже имеет значение «безынициативный, вялый, тюфяк»).

Эталон «утка» мы встречаем и во ФЕ *wie eine bleierne Ente schwimmen* (букв. плавать как свинцовая утка):

Die Susi können wir leider zum Segeln nicht mitnehmen. Sie schwimmt ja wie eine bleierne Ente.

Сузи мы не можем взять с собой кататься на яхте: она же плавает как топор.

Как мы видим, в русском языке в данной характеристике отсутствует эталон – зооним, что опять же говорит о специфичности ФЕ с эталоном «утка» в немецкой культуре.

Als ich den Kindern sagte, dass sie nachmittags in den Zircus gehen dürfen, waren sie ganz verrückt vor Freude – wie vom wilden Affen gebissen.

Когда я сказал детям, что сегодня после обеда я отпускаю их в цирк, они подняли такой шум и гам, просто обезумели от счастья. В переводе вместо сравнительного оборота с эталоном – зоонимом *wie vom wilden Affen gebissen* (букв. укушенный дикой обезьяной) появилась часть предложения – *просто обезумели от счастья*.

Was muß mich dieser frecher Dachs ausgerechnet an der Stelle überholen, wo die Straße so eng ist.

Этому нахальному типу приспичило обогнать мою машину именно там, где дорога так узка.

И снова при переводе ФЕ *frecher Dachs* (букв. дерзкий барсук) на русский язык мы не встречаем эталона – зоонима.

Весьма интересны такие ФЕ, которые не имеют эквивалентов в другом языке, а тем самым обладают национально-культурной специфичностью.

Немецкий фразеологизм *Hahn im Korb* (букв. петух в корзине) несет в себе следующее значение: *единственный мужчина в обществе женщин, общий баловень*.

Образ щуки в пруду, где водятся карпы, характеризующиеся как степенные, сонные рыбы, олицетворяет собой энергичного человека, заставляющего шевелиться других, иначе говоря, *душа всего дела*:

Er ist ja ein Hecht im Karpfenteich hier. Alles dreht sich um ihn herum.

По всей видимости, он здесь **главный**. Ничего не происходит без его участия.

Самый лучший, способный работник сравнивается в немецком языке с лучшей лошадью в конюшне – *das beste Pferd im Stall*.

В русском языке, как уже упоминалось, таких сравнений нет. Это говорит не о бедности русской фразеологии, а скорее о том, что возможности образного осмысления окружающей действительности в разных культурах безграничны.

К рождеству, как и к другим праздникам зимнего времени, немецкие жители пекли много различных по форме булочных изделий пирогов, например в Рейланде приготавливали крендель (*Brezel*). С этим обычаем связан

фразеологизм: *er macht das wie das Brezelbacken* – разг. кто-л. делает что-л. очень быстро. В русском языке мы наблюдаем также отражение традиции русской культуры печь блины по праздникам в сравнительном обороте *как блины печет*.

Во фразеологизме *lachen (grinsen, strahlen) wie ein Honigkuchenpferd* – разг. шутл. смеяться, ухмыляться, сиять как медный таз (букв. смеяться, сиять как медовый пряник в форме лошади) нашел отражение старый обычай немцев в Оснабрюке выпекать печенье к праздникам в форме коня. В русском же языке выбор эталона *медный таз* предопределен свойством металла отражать солнечные лучи, вследствие чего и появляется эффект «сияния» предмета.

Следовательно, в процессе коммуникации с представителями другой культуры необходимо учитывать национально-специфическую окраску тех или иных слов и сочетаний. Знание данных культурных элементов существенно облегчает процесс коммуникации.

Dem Fritz Müller, diesem schlaunen Fuchs, bist du mit deinem geraden Wesen einfach nicht gewachsen.

Где тебе с твоим прямым характером тягаться с этой хитрой лисой – Фрицем Мюллером.

И в немецком, и в русском языках при совпадении структурных конструкций присутствует и одинаковая коннотация. В значений «хитрый» в немецком языке мы встречаем также выражение **glatt wie ein Aal** (букв. скользкий как угорь, ср.: в русском языке – скользкий как рыба):

Es ist schwer ihm etwas nachzuweisen. Er ist glatt wie ein Aal und schlüpft aus jeder Falle wieder heraus.

Его трудно в чем-либо уличить. Он такой хитрый, вывернется из любого положения.

Немецкое выражение **sich wie ein Aal winden** (букв. извиваться как угорь) имеет эквивалентное сочетание в русском **извиваться ужом**. Здесь мы установили, что при схожести значения употребления в обоих языках: *хитрить*, *елейничать*, в качестве эталонов использованы разные наименования животных, что говорит в пользу специфичности данных ФЕ.

Устойчивое сочетание **ein weisser Rabe** (со значением *разговорно белая ворона*) мы встречаем в следующем тексте:

Eigentlich ist es ein Schloss, denn Anfang des 19. Jahrhunderts baute man laengst keine Burgen mehr. Der Graf, der es erbauen liess, war ein weisser Rabe unter den Adligen Mecklenburgs. Er bemuehte sich um fortschrittliche Produktionsmethoden in der Landwirtschaft.

Фразеологизм «*ein weisser Rabe*» переводится на русский язык эквивалентным по смыслу фразеологизмом «белая ворона»: Таким образом, это был замок, так как в начале 19 века крепости более не строились. Граф, построивший его, слыл среди благородных земли Мекленбург «белой вороной». Он стремился к прогрессивным методам производства в сельском хозяйстве.

В немецком языке речь идет о человеке, резко отличающемся от других, но только в положительном смысле – *eine grosse Ausnahme* (нечто редкое,

В бригаде он ни с кем не общался, чурался всех общественных дел. За это и прозвали его в народе «белой вороной». (Б.Н.Наумов, Рассказы о сельчанах).

Здесь наблюдаются существенные различия в семантике, несмотря на внешнюю «схожесть» в обоих языках.

Следующее немецкое предложение тоже привлекает наше внимание:

*Ganz abgesehen davon, würde ein Einspruch von meiner Seite, der ich sowieso in einflußreichen Kreisen als **das schwarze Schaf** gelte, falsch ausgelegt werden und höchstens die gegenseitige Wirkung haben.* Его перевод не менее интересен: *Даже не принимая во внимание этого обстоятельства, всякий протест с моей стороны, со стороны человека, на которого и без того смотрят как на **белую ворону**, был бы истолкован превратно и привел бы к обратному результату.*

Итак, немецкое выражение *das schwarze Schaf* (букв. черная овца) преобразуется в русском языке в *белую ворону*. То есть, при разных эталонах сравнения мы констатируем совпадение коннотативного значения: человек, отличающийся от других с негативной стороны.

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что понять значение отдельных слов и содержание предложения в целом недостаточно для адекватного понимания иностранного текста, в котором содержится тот или иной фразеологизм. Эстралингвистический фактор, национальная культура обуславливают бессмысленность или осмысленность словосочетания [61].

Итак, мы можем сделать следующий вывод: коммуникативная значимость ФЕ тесно связана с эквивалентностью немецких и русских фразеологизмов. Чем ниже структурно-семантическая эквивалентность ФЕ в обоих языках, тем выше их коммуникативная значимость.

Выводы к разделу 3

В нашей работе мы попытались выявить национальную специфику сравнительных оборотов в русском и немецком языках. Исследование показало, что национально-культурные элементы семантики языковых единиц выражаются в тех элементах содержательного плана, которые отражают особенности культуры народа-носителя определенного языка, т.е. специфические стороны его социальной деятельности, а также истории, географии, государственного строя и т.д. Фразеология, в частности, устойчивые сравнения, являются той сферой языка, где наиболее ярко проявляет себя национально-культурный компонент. Именно здесь содержится большинство языковых образов, характерных для того или иного национального языка. Их можно назвать национально-специфическими образами.

В соответствии с избранным направлением исследования был собран необходимый лексический материал.

Сотоставительный анализ ФЕ в немецком и русском языках показывает, что из приведенных ФЕ треть составляют фразеологизмы, являющиеся полными эквивалентами, то есть эталон сравнения в немецком языке полностью совпадает с русским вариантом. Это позволяет нам сделать вывод, что черты, которыми человек наделяет то или иное явление, предмет, совпадают в обоих языках.

Наименьшую группу фразеологических пар составили фразеологизмы, являющиеся неполными эквивалентами, то есть эталон сравнения в немецкой ФЕ не совпадает с его обозначением в русском языке. Здесь интересно отметить наличие таких случаев, когда одной ФЕ в русском соответствуют два или три эквивалентных фразеологических выражения в немецком языке, и наоборот: такой пример можно привести и в отношении русского языка.

Наибольшую группу составили ФЕ, не имеющие эквивалента с обозначением того же явления, предмета в русском языке. Отсутствие фразеологических эквивалентов в русском языке с подобными обозначениями говорит в пользу национальной специфичности немецких фразеологизмов.

Таким образом, в процессе перевода мы имеем дело одновременно не только с двумя языковыми системами, но и с двумя культурами. Рассмотрение фразеологизмов немецкого языка на фоне отражения характера, образа жизни немцев обеспечивает более глубокое проникновение в суть этих единиц, более глубокое понимание образа, взятого за основу ФЕ. Это очень важно, так как вскрытие мотивировки фразеологизмов повышает уровень владения ими, обеспечивает лучшую запоминаемость, повышает интерес к языку. Особенно это важно при переводе, для того чтобы уметь передать внутренний смысл какой-либо ФЕ.

В стилистическом значении также наблюдаются небольшие различия, точнее, это отличия в экспрессивной окраске русских и немецких ФЕ.

Почти все русские и немецкие ФЕ, относящиеся к исследуемой группе, составляют разговорный фонд языка и часто употребляются в речи. Отсюда следует, что ФЕ играют огромную роль в акте коммуникации. Один народ

всегда интересуется какими-либо особенностями образа жизни других народов. Данный интерес может быть удовлетворен путем познания жизни другого народа через его язык. И здесь на помощь приходит фразеология, которая и отражает жизнь во всем ее многообразии [62; 63]. Однако большая часть фразеологического состава любого языка, в том числе и немецкого, предопределена экстралингвистическими фактами, значение которых необходимо для адекватного понимания, а некоторые ФЕ выступают в качестве единственных способов обозначения тех или иных явлений и фактов. Таким образом, важным становится вопрос раскрытия внутренней формы ФЕ, имеющей огромную роль для представителей другой лингвокультурной общности.

Без знания специальной информации о происхождении и культуре определенной ФЕ, мы не можем полностью проникнуть в его значение, а иногда и образно представить себе. Однако, желая проникнуть в национальный язык, мы, в конечном счете, проникаем в национальную культуру.

Заключение

В данной работе нами была предпринята попытка выявить специфику немецкой и русской ЯКМ на примере сравнительных оборотов. В результате наших исследований формируются следующие выводы:

1. По Гумбольдту язык понимается как зеркало культуры, в котором отображаются все имевшие место представления (включая мифологические, религиозные) народа о мире, в котором он живет. С помощью языка формируется мировосприятие человека, закладываются основы его культуры. Язык, по сути своей, и средство выражения мысли, и форма, в которую мы облачаем свою мысль. В нем запечатлены в виде устойчивых сочетаний первичные знания о мире.
2. Лингвистика в конце XX века пополнилась новым термином – **картина мира**. Под ЯКМ сегодня понимается совокупность знаний о мире, отраженных в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний. Тем самым, мы утверждаем, что в языке хранится национальное мировидение. В нем каждый мир имеет специфические признаки. Специфика таких признаков заключается в способности человека переносить свойства внеязыковой действительности на мир идеальный. Исследование этих признаков и сопоставление фрагментов картины мира в разных языках и явилось основными задачами нашего исследования.
3. Картина мира постоянно меняется, так как сфера концептуальных признаков расширяется ввиду дальнейшего процесса познания мира. В него мы включаем развитие науки, техники, культурных отношений между народами и т.д.
4. С философской точки зрения понятие «ЯКМ» следует рассматривать предельно широко: мировоззрение, включающее в себя мироощущение, мирочувствование, миросмысление, мирооценку, выраженное в соответствующем языке.
5. Национальный язык возможно рассматривать в качестве НЯКМ только с учетом культурно-философского подхода к языку как «дому бытия духа» данного народа. Понятие НЯКМ основывается на том, что любой национальный язык является неповторимым результатом мыслительно-эмоционального и духовного творчества конкретного этноса. НЯКМ – это своего рода «дом духа» народа, в котором запечатлены и национальный характер, и национальное мировоззрение в широком понимании этого слова, и конкретные факты истории и культуры народа.
6. В культурологии ЯКМ может использоваться двояко:
 - как хранилище лингвистических фактов, необходимых для подтверждения тех или иных черт национального характера.
 - как источник знания о национальном характере и менталитете. Здесь мы согласны с утверждениями многих лингвистов, что, познавая чужой язык, мы преникаем в образ мышления народа – носителя языка, его традиции и обычаи, а тем самым, в культуру народа.

7. В формировании НЯКМ участвуют все компоненты языкового сознания, но роль каждого из них не одинакова.
8. Становится актуальной проблема интеллектуального освоения точки зрения на мир, выработанной другим народом в других условиях и под воздействием иных факторов.
9. На национально-языковое сознание оказывают большое влияние природно-климатические условия пребывания, существовавшие в исторический период языкового становления соответствующего народа.
10. Мы выделили три вида национально-специфической лексики, специфика которой обусловлена внешней средой: специфические реалии; универсальные концепты, имеющие специфические прототипы; и специфические абстрактные концепты.

Каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации. Отсюда заключаем, что каждый язык имеет особую картину мира, и языковая личность обязана организовывать содержание высказывания в соответствии с этой картиной. И в этом проявляется **специфически человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке**. ЯКМ не стоит в ряду со специальными картинами мира (химической, физической и др.), она им предшествует и формирует их, потому что человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общечеловеческий и национальный опыт. Последний и определяет специфические особенности языка на всех его уровнях. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная ЯКМ, сквозь призму которой человек видит мир.

ЯКМ формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому, как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к миру. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Таким образом, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но в первую очередь во внутренней организации того, что подлежит сообщению. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), то есть закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Формируется мир говорящих на данном языке, то есть ЯКМ как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике.

Именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) представлена КМ данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов. Ее анализ помогает понять, чем различаются национальные культуры, как они дополняют друг друга на уровне мировой культуры.

В результате наших исследований мы пришли к выводу, что каждый язык представляет собой самобытную систему, которая накладывает свой отпечаток на сознание его носителей и формирует их картину мира.

Список использованных источников:

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. М., 1997.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Национально- культурная семантика русских фразеологизмов. М., 1982.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. с.396.
4. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975
5. Мальцева Д.Г. Страноведение через фразеологизмы. М., 1991.
6. Флорин С., Влахов С. Непереводимое в переводе. М., 1980.
7. Райхштейн А.Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // ИЯШ. 5/1986. с.10-14.
8. Райхштейн А.Д. Лингвистика и страноведческий аспект в преподавании иностранного языка //ИЯШ, 6-1982. с.13-19.
9. Селир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
11. Бастриков А.В. Мифические персонажи в национальных картинах мира // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997. М., 1997. с.22-23.
12. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Перевод с английского / Ответственный редактор М.А. Кронгауз / М., 1996.
13. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1988.
14. Келшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.
15. Хернилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
16. Дерцов Н.В. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Выпуск 1. М., 1996, с.9-66.
17. Черемисина Н.В. Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие. Екатеринбург, 1995.
18. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М., 1997.
19. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания №3, 1987, с.3-19.
20. Виноградова Т.Ю. Салмина Л.М. Специфика моделирования картины мира в разных национальных картинах // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва. 2-4 июня 1997. М., 1997, с.35-36.
21. Пищальникова В.А. Национальная специфика картины мира и ее репрезентация в языке // XII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 2-4 июня 1997. М., 1997. с.125-126.
22. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания №6, 1990.
23. Стукаленко Н.И. Отражение обыденного сознания в образной ЯКМ. Киев. 1992.

24. Одинцова М.П. К теории образа человека в ЯКМ // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки. Омск, ОмГУ. 2000, с.8-11.
25. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. М., 2002.
26. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека. М., 1988.
27. Керученко А.Л. Картина мира молодого человека сквозь призму характерных для него компаративов // Язык. Человек. Картина мира. Омск, ОмГУ. 2000, с.82-89.
28. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания // РЯЗ №1-2. 1997, с.44-53.
29. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык, мышление, сознание // РЯЗ №1. 1994.
30. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике, Павлодар, 2002.
31. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1989, т.4.
32. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
33. Шахметова Н.А. Сравнительные обороты как отражение национальной картины мира // Проблемы языка в современной немецкой парадигме. Павлодар, 1998, с.112-117.
34. Падучева Е.В. Феномен Анны Вежбицкой // А.Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996, с.5-32.
35. Sabitowa M. Nationalkulturelle Elemente in der Semantik der Phraseologismen des Deutschen und Kasachischen // Das Wort. Moskau – Berlin. 1987. S. 296-300.
36. Трушина Л.Б. Диалог культур при профессиональном общении бизнесменов // РЯЗ №1-2, 1997, с.98-102.
37. Лурья А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
38. Краткий словарь когнитивных терминов/ Под редакцией Е.С.Кубряковой. М., 1996.
39. Керт Г.М. К вопросу о взаимовлиянии языка и мышления. М., 1967
40. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.2,3. М., 1980.
41. Зегеницкий А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 1983.
42. Чернышова И.И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
43. Салагаев В.Г. Экспрессия как формальное выражение коннотации // Проблемы языка в современной немецкой парадигме. Павлодар. 1998. с.86-89.
44. Шувалова С.А. «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках // Русская речь №5, 1998, с.103-111.
45. Райхштейн А.Д. О межъязыковом сопоставлении ФЕ // ИЯШ №4/79, с.3.
46. Соколов В. Т. Логический словарь – справочник. М., 1985.
47. Кодухов В. В. Общее языкознание. – М., 1994.
48. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии.
49. Ахмапова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966
50. Виноградов В. В. Современный русский язык. – М., 1986.

- фразеологии. Краснодар, 1999.
52. Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. – М., 1975.
 53. Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т.2 М., 1999.
 54. Чернышева И.И. Фразеологическая система и ее семантические категории // ИЯШ №2/1973, с.3-12.
 55. Гутман Е.А, Черемисина М.И. Названия животных в составе сравнений / Вопросы языка и литературы. Выпуск IV. Новосибирск, НГУ. 1970.
 56. Черданцева Т.З. Идиоматика и культура // Вопросы языкознания №1/1996, с.18.
 57. Брнович Л. Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.
 58. Duden K. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten. Band 11. Leipzig, 1998.
 59. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1976.
 60. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания №6/1997, с.11.
 61. Токарев Г.В. К вопросу о типологии культурных коннотаций // Филология немецкая, №3/2003, с.56.
 62. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М., 2002.
 63. Телня В.Н. Русская фразеология. М., 1996.

Список использованных источников художественной литературы:

1. Boell H. Die schwarzen Schafe. Koeln, 1968.
2. Boell H. Professor Unrat. Fischer Verlag, 1969
3. Goerlich G. Eine Sommergeschichte. Berlin, 1976.
4. Fallada H. Damals bei uns daheim. Muenchen, 1975.
5. Huch R. Der letzte Sommer. Suhrkamp Verlag, 1991.
6. Mann T. Der Buddenbrooks. Berlin. Weimar, 1975.
7. Remarque. Schatten im Paradies. Berlin, 1984.
8. Zweig S. Ungeduld des Herzens. Fischer Verlag, 1975.
9. Горький М. Люди. М., 1968.
0. Наумов Б. Н. Рассказы о сельчанах. 1991.
1. Чехов А. П. Рассказы. М., 1984.